

Гонители земства и Аннибалы либерализма.

Если про русского крестьянина было сказано, что онъ всего болѣе бѣденъ сознаниемъ своей бѣдности, то про русскаго обывателя или подданнаго можно сказать, что онъ, будучи бѣденъ гражданскими правами, особенно бѣденъ сознаниемъ своего безправія. Какъ мужикъ привыкъ къ своей безысходной нищетѣ, привыкъ жить, не задумываясь надъ ея причинами и возможностью ея устранения, такъ русскій обыватель вообще привыкъ къ всевластью правительства, привыкъ жить, не задумываясь надъ тѣмъ, можетъ ли дальше держаться это всевластие и нѣтъ ли рядомъ съ нимъ такихъ явленій, которыя подтачиваютъ застарѣлый политическій строй. Особенно хорошимъ „противоядиемъ“ противъ этой политической безсознательности и спячки являются обыкновенно „секретные документы“*) показывающіе, что не только какіе-нибудь отчаянные головорѣзы или завязые враги правительства, но и сами члены правительства, до министровъ и царя включительно, сознаютъ шаткость самодержавной формы правленія и изыскиваютъ всяческіе способы улучшить свое положеніе, совершенно ихъ не удовлетворяющее. Къ такимъ документамъ принадлежитъ записка Витте, который, повздоривъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Горемыкинымъ, изъ за вопроса о введеніи земскихъ учрежденій на окраинахъ, рѣшилъ особенно выставить свою проницательность и преданность самодержавію составленіемъ обвинительнаго акта противъ земства.**)

Обвиняется земство въ томъ, что оно несовмѣстимо съ самодержавіемъ, что оно конституціонно по самому своему характеру, что существованіе его неизбежно порождаетъ тренія и столкновенія между представителями общества и

*) Я говорю, разумѣется, только о томъ — далеко не единственномъ и далеко не особенно „сильно дѣйствующемъ“ — родѣ „противоядій“, который состоитъ изъ пронаведеній печати.

**) Самодержавіе и земство. Конфиденціальная записка министра финансовъ С. Ю. Витте, съ предисловіемъ и приложеніями Р. Н. С. Печатано „Заред“. Stuttgart, Verlag von J. H. W. Dietz Nachf. 1901. Стр. XLIV и 212.

правительства. Обвинительный актъ составленъ на основаніи очень (сравнительно) обширнаго и очень недурно обработаннаго матеріала, а такъ какъ это обвинительный актъ по политическому дѣлу (и притомъ довольно своеобразному), то можно быть увѣреннымъ, что его будутъ читать съ немалымъ интересомъ и съ немалой пользой, чѣмъ печатавшіеся нѣкогда въ нашихъ газетахъ обвинительные акты по политическимъ процессамъ.

I.

Попробуемъ же разсмотрѣть, оправдывается ли фактами утвержденіе, что наше земство конституціонно, и если да, то въ какой мѣрѣ и въ какомъ именно смыслѣ.

Въ этомъ вопросѣ особенно важное значеніе имѣетъ эпоха введенія земства. Паденіе крѣпостнаго права было такимъ крупнымъ историческимъ переломомъ, который не могъ не надорвать и полицейской завѣсы, прикрывающей противорѣчія между классами. Самый сплоченный, самый образованный и наиболѣе привыкшій къ политической власти классъ, — дворянство, обнаружилъ съ полной опредѣленностью стремленіе ограничить самодержавную власть посредствомъ представительныхъ учреждений. Напоминаніе объ этомъ фактѣ въ запискѣ Витте чрезвычайно поучительно. „Заявленія о необходимости общаго дворянскаго „представительства“, о „правѣ земли русской имѣть своихъ выборныхъ для совѣта верховной власти“ дѣлались уже въ дворянскихъ собраніяхъ 1859—1860 годовъ.“ „Пронаосилось даже слово „конституція.“*) „На необходимость призыва общества къ участию въ управленіи указывали и нѣкоторые губерцкіе комитеты по крестьянскому дѣлу, и члены комитетовъ, вызванные въ редакціонныя коммисіи. „Депутаты явно стремятся къ конституціи“, писалъ въ 1859 г. въ дневникѣ своемъ Никитенко.“

Когда, послѣ обнародованія Положенія 19-го февраля 1861 г., эти надежды на самодержавіе оказались далеко не осуществленными, и одобровожи отъ исполненія этого Положенія были удалены болѣе „красные“ элементы изъ самой администраціи (какъ Н. Милотинъ), то движеніе въ пользу „представительства“ стало единодушнѣе. Оно выразилось въ предложеніяхъ, внесенныхъ во многія дворянскія собранія 1862 г. и въ цѣлѣхъ адресахъ этихъ собраній въ Новгородъ, Туль, Смоленскъ, Москвѣ, Петербургъ, Твери. Изъ адресовъ болѣе замѣчательный московскій, который прислалъ мѣстнаго самоуправленія, гласнаго судопроизводства, обязатель-

*) Драгомановъ, „Земскій либерализмъ въ Россіи“, стр. 4. Авторъ записки г-на Витте частенько не указываетъ, что онъ списываетъ Драгоманова (ср. напр., „Записку“, стр. 36—37 и назв. статью, стр. 55—6), хотя въ другихъ мѣстахъ онъ на него ссылается.

наго выкупа крестьянских земель, публичности бюджета, свободы печати и созыва в Москвѣ земской думы изъ всѣхъ классовъ для приготовления цѣльнаго проекта реформъ. Рѣше всѣхъ были постановлены в адресъ тверского дворянства отъ 2-го февраля о необходимости ряда гражданскихъ и экономическихъ реформъ (например, уравненія правъ сословій, обязательнаго выкупа крестьянскихъ земель) и созыва изборныхъ всей земли русской, какъ единственнаго средства къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ Положеніемъ 19-го февраля.*⁹⁾

Не смотря на административныя и судебныя наказанія, которыми подверглись инициаторы тверского адреса** — продолжаетъ Драгомановъ — (притомъ, не прямо за адресъ, а за рѣзкую мотивировку коллективнаго выхода изъ должности мировыхъ посредниковъ) заявленія въ духѣ его дѣлались въ разныхъ дворянскихъ собраніяхъ 1862 и начала 1863 г., въ которыхъ въ то же время вырабатывались и проекты мѣстнаго самоуправления.¹⁰⁾

Въ это время конституціонное движеніе шло и среди „разночинцевъ“ и выразилось здѣсь тайными обществами и прокламаціями, болѣе или менѣе революціонными: „Великорусь“ (съ августа по ноябрь 1861 г.; въ издавіи принимали участіе офицеры, какъ Обручевъ и др.), „Земская Дума“ (1862 г.), „Земля и Воля“ (1862—63 г.). . . Пуцѣвъ былъ при „Великорусь“ и проектъ адреса, который долженъ былъ представлять государю, какъ говорилось многими, къ празднованію 1000-лѣтія Россіи въ августѣ 1862 г.* Въ этомъ проектѣ адреса, м. пр., говорилось: „Благословите, Государь, созвать въ одной изъ столицъ нашей русской родины, въ Москвѣ или Петербургѣ, представителей русской націи, чтобы они составили конституцію для Россіи“. . .***)

Если мы припомнимъ еще прокламацію „Молодой Россіи“, многочисленныя аресты и драконовскія наказанія „политическихъ“ преступниковъ (Обручева, Михайлова и др.), увѣнчавшіяся незаконнымъ и подтасованнымъ осужденіемъ на каторгу Чернышевскаго, то для насъ ясна будетъ та обще-

⁹⁾ Драгомановъ, 5. Сокращенный пересказъ въ „Запискѣ“, стр. 64, съ ссылкой не на Драгоманова, а на цитируемые Драгомановымъ „Колоколъ“ № 126 и „Revue de deux mondes“ 1862, 15-го іюня.

¹⁰⁾ Кстати. Недавно (19-го апрѣля и т. г.) скончался въ своемъ родномъ мѣстѣ Тверской губерніи одинъ изъ этихъ инициаторовъ, Николай Александровичъ Вакуницъ, младшій братъ знаменитаго М. А. Вакунина. Н. А. вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ Алексѣемъ и другими посредниками подписали адресъ 1862-го года. Этотъ адресъ — сообщаетъ авторъ записки о Н. А. Вакуницѣ въ одной изъ нашихъ газетъ — навлекъ кару на подписавшихся. Послѣ годового ареста въ Петропавловской крѣпости заключенные были освобождены, причѣмъ Н. А. и братья его Алексѣй остались непрощеными (они не подписали просьбы о помилованіи), вслѣдствіе чего имъ болѣе не разрѣшили занимать общественныхъ должностей. Послѣ этого Н. А. никогда болѣе не выступалъ да и не могъ болѣе выступать на общественное поприще. . . Вотъ какъ расплывалось во время самыхъ „великихъ реформъ“ наше правительство съ легальными дѣйствующими дворянами-помѣщиками! И это было въ 1862 году, до польскаго восстанія, когда даже Катковъ предлагалъ созывае всероссійскаго земскаго собора.

¹¹⁾ Ср. „За сто лѣтъ“ В. Вурцева, стр. 39.

ственная обстановка, которая породила земскую реформу. Говоря, что „мысль при созданіи земскихъ учреждений была несомнѣнно политическая“, что съ либеральнымъ и конституціоналистическимъ настроеніемъ общества въ правящихъ сферахъ „несомнѣнно считались“, „Записка“ Витте говоритъ лишь *половину* правды. Тотъ клановый, чиновническій взглядъ на общественныя явленія, который обнаруживаетъ воздѣ авторъ „Записки“, сказывается и здѣсь, сказывается въ игнорированіи революціоннаго движенія, въ затухиваніи тѣхъ драконовскихъ мѣръ репрессіи, которыми правительство защищалось отъ натиска революціонной „партіи“. Правда, на нашъ современный взглядъ кажется страннымъ говорить о революціонной „партіи“ и ея натискѣ въ началѣ 60-хъ годовъ. Сорокалѣтній историческій опытъ сильно повѣсилъ нашу требовательность насчетъ того, что можно назвать революціоннымъ движеніемъ и революціоннымъ натискомъ. Но не надо забывать, что въ то время, послѣ тридцатилѣтія Николаевского режима, никто не могъ еще предвидѣть дальнѣйшаго хода событій, никто не могъ опредѣлить дѣйствительной силы сопротивленія у правительства, дѣйствительной силы народнаго возмущенія. Оживленіе демократическаго движенія въ Европѣ, польское броженіе, недовольство въ Финляндіи, требованіе политическихъ реформъ всей печатью и всѣмъ дворянствомъ, распространеніе по всей Россіи „Колокола“, могучая проповѣдь Чернышевскаго, умѣншаго и подцензурными статьями воспитывать настоящихъ революціонеровъ, появленіе прокламацій, возбужденіе крестьянъ, которыхъ „очень часто“*) приходилось съ помощью военной силы

^{*)} А. Панинъ: „Изъ воспоминаній 60-хъ годовъ“, стр. 315-сборника „На славномъ посту“. Въ этой статейкѣ сгруппированы нѣкоторые очень интересныя факты о революціонномъ возбужденіи 61—62 г. и полицейской реакціи. . . „Къ началу 1862 г. общественная атмосфера была до крайности напряжена; малѣйшее обстоятельство могло рѣзко толкнуть ходъ жизни въ ту или другую сторону. Эту роль и сыграли майскіе пожары 1862 года въ Петербургѣ.“ Начались они 16-го мая, особенно выдѣлились 22 и 23-го мая — въ этотъ послѣдній день было пять пожаровъ, 28-го мая запылалъ Апраксинъ дворъ и выгорѣло громадное пространство вокругъ него. Въ народѣ стали обвинять въ поджогахъ студентовъ, и эти слухи повторались газетами. Прокламацію „Молодой Россіи“, которая объявила кровавую борьбу всему современному строю и оправдывала всякія средства, рассматривали какъ подтвержденіе слуховъ объ умысленныхъ поджогахъ. „Вслѣдъ за 28-ымъ мая въ Петербургѣ было объявлено и что въ родѣ военнаго положенія.“ Учрежденію особому комитету было поручено прійятіе чрезвычайныхъ мѣръ къ охранѣ столицы. Городъ былъ раздѣленъ на три участка съ военными губернаторами во главѣ. По дѣламъ о поджогѣ введенъ военно-полевой судъ. Приостановлены на 9 мѣсяцевъ

и съ пролитіемъ крови заставляли принять „Положеніе“, обдирающее ихъ какъ линку, коллективные отказы дворянъ — мировыхъ посредниковъ примѣнять такое „Положеніе“, студенческіе беспорядки — при такихъ условіяхъ самый осторожный и трезвый политикъ долженъ былъ бы признать революціонный взрывъ вполне возможнымъ и крестьянское возстаніе — опасностью весьма серьезной. При такихъ условіяхъ самодержавное правительство, которое свое высшее назначеніе видѣло въ томъ, чтобы съ одной стороны отстоять въ что бы то ни стало всевластіе и безответственность придворной камарилы и арміи чиновныхъ пиявокъ, а съ другой стороны въ томъ, чтобы поддерживать худшихъ представителей эксплуататорскихъ классовъ, подобное правительство не могло поступать иначе какъ, безошадно истребляя отдѣльных лицъ, сознательныхъ и непреклонныхъ враговъ тираніи и эксплуатаціи (т. е. „коноводовъ“ „революціонной партіи“), запугивать и подкупать небольшими уступками массу недовольныхъ. Каторга — тому, кто предпочиталъ молчать, тѣмъ извергать тупоумныя или лицемѣрныя хвалы „великому освобожденію“; реформы (беззастѣсливыя для самодержавія и для эксплуататорскихъ классовъ реформы) тѣмъ, кто захлебывался либерализмомъ правительства и восторгался зрой прогресса.

Мы не хотимъ сказать, что эта разсчитанная полицейско-реакціонная тактика была отчетливо сознаваема и систематически преслѣдуема всѣми или хотя бы даже нѣсколькими членами правящей клики. Отдѣльные члены ея могли, конечно, по своей ограниченности не задумываться надъ этой тактикой въ ея цѣломъ и наивно восторгаться „либерализ-

„Современникъ“ и „Русское Слово“, прекращенъ „День“ Аксакова, объявлены суровыя временныя правила о печати (утвержденные еще 12-го мая, т. е. до пожаровъ. Слѣд., „жизнь жизни“ рѣзко направились въ сторону реакціи и независимо отъ пожаровъ, вопреки мнѣнію г. Пантелѣева), правила о надзорѣ за типографіями, послѣдовали многочисленные аресты политическаго характера (Чернышевскаго, Н. Серно-Соловьевича, Рымаренко и др.), закрыты воскресныя школы и народныя читальни, затруднено разращеніе публичныхъ лекцій въ С.-Петербургѣ, закрыто 2-ое отдѣленіе при Литер. Фондѣ, закрытъ даже Шахматный клубъ.

Слѣдственнымъ Комиссіей не открыта никакой связи пожаровъ съ политикой. Членъ Комиссіи, Столбовскій, разсказывалъ г. Пантелѣеву, „какъ удалось ему въ Комиссіи вывести на свѣжую воду главныхъ лже-свидѣтелей, которые, кажется, были простымъ орудіемъ полицейскихъ агентовъ“ (325—4). Итакъ есть очень збское основаніе думать, что слухи о студенческихъ-поджигательныхъ развѣскахъ полиціи, Гусевѣйшее эксплуатированіе народной темноты для клеветы на революціонеровъ и протестагоны было, значитъ, въ ходу и въ самый разгаръ „эпохи великихъ реформъ“.

момъ“, не замѣчая его полицейскаго футляра. Но въ общемъ и цѣломъ несомнѣнно, что коллективный опытъ и коллективный разумъ правящихъ заставляли ихъ неуклонно преслѣдовать эту тактику. Не даромъ же большинство вельможъ и сановниковъ прошло длинный курсъ Николаевской службы и полицейской выучки, прошло, можно сказать, огонь и воду и мѣдныя трубы. Они помнили, какъ монархи то заигрывали съ либерализмомъ, то являлись палачами Радищевыхъ и „спускали“ на вѣрноподанныхъ Аракчеевыхъ; они помнили 14-ое декабря 1825 г. и продѣлывали ту функцію европейской жандармеріи, которую (функцію) исполнило русское правительство въ 1848—49 годахъ. Историческій опытъ самодержавія не только заставляли правительство слѣдовать тактикѣ запугиванія и развращенія, но и многихъ независимыхъ либераловъ побуждало рекомендовать правительству эту тактику. Вотъ въ доказательство правильности этого послѣдняго мнѣнія разсужденія Кошелева и Капеллина. Въ своей брошюрѣ: „Конституція, самодержавіе и земская дума“ (Лейпцигъ 1862 г.) А. Кошелевъ высказывается *противъ* конституціи за совѣщательную Земскую Думу и предвидитъ такое возраженіе:

„Созывать Земскую Думу — значитъ вести Россію къ революціи, т. е. къ повторенію у насъ *Etats généraux*, превратившихся въ конвентъ и заключившихъ свои дѣйствія событіями 1792-го года, съ проскрипціями, гильотинами, *poisses* и пр.“ „Нѣтъ! господа — отвѣчаетъ Кошелевъ — не созваніе Земской Думы открываетъ, подготавливаетъ почву для революціи, какъ вы ее понимаете; а скорѣе и вѣрнѣе ее производить дѣйствія, со стороны правительства, нерышительная и противорѣчивая, шагъ впередъ и шагъ назадъ, повелѣнія и законы неудобоисполнимые, оковы, налагаемыя на мысль и слово; полицейское (явное и тѣмъ еще хуже тайное) наблюденіе за дѣйствіями сословій и частныхъ людей, мелочныя преслѣдованія нѣкоторыхъ личностей, расхищенія казны, чрезмѣрные и неразумные ея расходы и награды, неспособность государственныхъ людей и ихъ отчужденность отъ Россіи, и пр. и пр. Еще вѣрнѣе могутъ довести до революціи (опять въ вашемъ смыслѣ), въ странѣ только очнувшейся отъ многолѣтняго гнета, военныя экзекуціи, казнили и ссылки; ибо раны наиболѣе чувствительныя и раздражительныя, тѣмъ раны новыя. Но не опасайтесь: революція, произведенной во Франціи, какъ вы предполагаете, журналистами и другими писателями, — у насъ не будетъ. Надѣемся также, что въ Россіи не составится (хотя за это отвѣчать труднѣе) общество горячихъ, отчаянныхъ головъ, которыя изберутъ убійство средствомъ къ достиженію своихъ цѣлей. Но гораздо вѣроятнѣе и опаснѣе то, что возникнетъ, незамѣтно для земской, городской и тайной полиціи, подъ вліяніемъ раскола, согласія между крестьянами и мѣщанами, къ которымъ присоединятся молодые и немолодые люди, сочинители и приверженцы Велинорусса, Молодой Россіи и пр. Такое согласіе все уничтожающее и проповѣдующее равенство не передъ закономъ, а вопреки ему (назойливо-бездобный либерализмъ! Мы, разумнее, за равенство, но за равенство не вопреки закону, — закону, разрушающему равенство!) не ва-

родную историческую общину, а болезненное ее исцеление, и власть не разума, которую так боится некоторые государственные дельцы, а власть грубой силы, к которой они сами так охотно прибывают, — такое согласие, говорю, у нас гораздо возможно и оно может быть гораздо сильнее, чем умирная, благомыслящая и самостоятельная оппозиция правительству, которая так противна нашим бюрократам и которую они вечно гнетут и стараются удушить. Не думайте, что партия интронной, тайной, безымянной печати малочисленна и слаба, и не воображайте, что вы захватили ее в ствол и корни; нет! воспрещением молодежи доучиться, возведением шалостей в чин государственных преступлений, всякими мелочными преследованиями и наблюдениями, вы утратили силу этой партии, разделили и размножили ее по империи. При взрыве такого согласия, к чему прибегнуть наши государственные люди? — К военной силе? Но можно ли будет на нее надежное рассчитывать? (стр. 49—51).

Разъяснение из пышных фраз этой тирады не вытекает с очевидностью тактика: истребить „отчаянные головы“ и приверженцев „согласия между крестьянами и мещанами“, а „благомыслящую умирную оппозицию“ удовлетворить и разъединить уступками? Только правительство оказалось умнее и ловчее, чем воображали гг. Кошелевы, и отделялось меньшими уступками, чем „совещательная“ Земская Дума.

А вот частное письмо К. Д. Кавелина к Герцену от 6-го августа 1862 г.: „Вести из России, на мой взгляд, не так плохи. Арестовать не Николая, а Александр Соловьевич. Аресты меня не удивляют и, признаюсь, не кажутся мне возмутительными. Революционная партия считает пригодными все средства, чтобы испровергнуть правительство, а правительство защищается всеми средствами. Другое дело были аресты и ссылки при подломе Николая. Люди гибли за свои мысли, убеждения, веру и слова. Я хотел бы, чтобы ты был на месте правительства и посмотрел бы я тогда, как ты стал бы ты поступать против партии, которая и тайно и открыто работает против тебя. Я люблю Чернышевского, очень, очень люблю, но такого вояжера (задиру, сварливого, неуживчивого человека, срывающего раздоры), „такого безтактного, самоуверенного человека я еще никогда не видал. Погибать из-за ничего, ровно так из-за ничего! Что пожары находятся в связи с прокламациями, это не подлежит теперь никакому сомнению.“*) Вот образчик профессорски-лакейского глубокомыслия! Ви-

*) Цитируем по немецкому переводу Драгомановского издания переписки К. Д. Кавелина и Н. С. Тургенева с А. Н. Герценом: Bibliothek russischer Denkwürdigkeiten, herausgegeben von Th. Schiemann. Bd. 4, S. 65—66. Stuttgart 1864.

новаты во всем эти революционеры, которые так самоуверенны, что осмивают фразерствующих либералов, так зазорны, что тайно и явно работают против правительства, так безтактны, что попадают в Петропавловку. Съ подобными людьми и он, либеральный профессор, расправлялся бы „всеми средствами“, если бы был у власти.

II.

Итак, земская реформа была одной из тех уступок, которыми отбита у самодержавного правительства волна общественного возбуждения и революционного натиска. Мы остановились особенно подробно на характеристике этого натиска, чтобы дополнить и исправить изложение „Записки“, бюрократический автор которой заглушал борьбу, породившую эту уступку. Но половинчатый, трусливый характер этой уступки довольно ясно обрисовать и „Запиской“:

„В начале, когда только что приступлено было к земской реформе, несомненно, хотелось из виду сделать первый шаг на пути к введению представительных учреждений;*) но потом, когда графа Ланского и Н. А. Милютину сменил граф Валуев, проявилось весьма ясно желание, которое не отрицал и сам бывший министр внутренних дел, действовать в духе „примирительном“, „мягко и уклончиво“. Правительство само не вымыслило себя своих видов, говорил он в это время. Слово, была сделана попытка, которая, к сожалению, весьма часто повторяется государственными людьми и всегда дает отрицательные для всех результаты, — попытка действовать уклончиво между двумя противоположными мнениями и, удовлетворяя либеральным стремлениям, сохранить существующий порядок“.

Презабавно здесь это фарисейское „к сожалению“! Министр полицейского правительства выставляет здесь случайностью тактику, которой это правительство не может не следовать, которую оно проводило при издании законов о фабричной инспекции, закона о сокращении рабочего дня (2-го июня 1897 г.), — которую оно проводит и теперь посредством заигрывания генерала Ванновского с „обществом“.

„С одной стороны, в объяснительной записке к положению о земских учреждениях говорилось, что задача проектируемого закона — по возможности полное и последовательное развитие начал местного самоуправления, что „земское управление есть только особый орган одной и той же государственной власти“... Тогдашний орган министерства внутренних дел, „Северная Почта“, в своих статьях делал весьма

*) „Несомненно“, что автор „Записки“, говорящий со слов Леруа-Болье, владеет в обычное бюрократическое преувеличение. „Несомненно“, что ни Ланской, ни Милютин ничего действительно определенного в виду не имели, и принимать за „первый шаг“ уклончивая фраза Милютин („в принцип стороны конституции, но считать введение ее преждевременным“) смешно.

ясные намерения, что создаваемыя учреждения явятся школой учреждений представительных.

Съ другой стороны . . . земскія учреждения называются въ объяснительной запискѣ частными и общественными, подчиняющимися общимъ законамъ на томъ же основаніи, какъ отдѣльныя общества и частныя лица. . .

Какъ самая постановленія Положенія 1864 г., такъ въ особенности всѣ послѣдующія мѣропріятія министерства внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ земскимъ учреждениямъ довольно ясно свидѣтельствуютъ, что „самостоятельности“ земскихъ учреждений весьма опасались, и боялись давать надлежащее развитіе этимъ учреждениямъ, *эпопея пошлая къ члену оно поведомъ.* (Курскъ вездѣ вѣст.) . . . „Несомнѣнно, что тѣ, кому пришлось завершить земскую реформу, проводили эту реформу *лишь въ виду обществу и общественному мнѣнію*, чтобы, какъ значилось въ объяснительной запискѣ, „положить, предѣлъ возбужденному по поводу образованія земскихъ учреждений *необходимымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ разныхъ сословій,*“ въ тоже время лица эти ясно понимали ее (реформу?) и стремились не допускать земству *надлежащаго развитія*, придать ему частный характеръ, ограничить его въ компетенціи и проч. Успокаивая либераловъ обѣщаніями, что первый шагъ не будетъ послѣднимъ, говоря или, вѣрнѣе, повторяя сторонникамъ либеральнаго направленія о необходимости сообщить земскимъ учреждениямъ действительную и самостоятельную власть, графъ Валунъ уже при самой разработкѣ Положенія 1864 г. *всѣчески старался ограничить эту власть и поставить земскія учреждения подъ строгую административную опеку.* . . .

Не проникнутыя одной руководящей мыслью, будучи компромиссомъ двухъ противоположныхъ направленій, земскія учреждения въ той формѣ, въ какой создало ихъ Положеніе 1864 г., когда началось ихъ примѣненіе, оказались не отвѣчающими ни основной идеѣ самоуправленія, положенной въ ихъ основаніе, ни тому административному строю, въ который они были механически вставлены и который къ тому же остался не реформированнымъ и неприспособленнымъ къ новымъ условіямъ жизни. Положеніе 1864 г. пыталось совмѣстить несогласныя вещи и тѣмъ одновременно удовлетворить сторонниковъ и противниковъ земскаго самоуправления. *Первымъ предлагалась взаимность и надежды на будущее, въ усуду вторымъ компетенція земскихъ учреждений была определена крайне эластично.* . . .

Какія иногда мѣткія слова бросаютъ нечаянно наши министры, когда они хотятъ подставить ножку какому нибудь коллегѣ и выказать свое глубокомысліе, и какъ полезно было бы всѣмъ прекраснороднымъ русскимъ обывателямъ и всѣмъ поклонникамъ „великихъ“ реформъ повѣсить себѣ на стѣну въ золотой рамкѣ великіе заветы полицейской мудрости: „успокаивать либераловъ обѣщаніями, что первый шагъ не будетъ послѣднимъ“, „предлагать“ имъ „вышность и надежды на будущее!“ Особенно въ настоящее время полезно было бы справляться съ этими заповѣдями при чтеніи каждой газетной статьи или замѣтки о „сердечномъ попеченіи“ генерала Ванновскаго.

Итакъ, земство съ самаго начала было осуждено на то, чтобы быть пятымъ колесомъ въ телегѣ русскаго государственнаго управления, колесомъ, *допускаемымъ бюрократіей*

лишь постольку, поскольку ея всевластіе не нарушалось, а роль депутатовъ отъ населенія ограничивалась голей практикой, простымъ техническимъ исполненіемъ круга задачъ, очерченныхъ все тѣмъ же чиновничествомъ. Земства не имѣли своихъ исполнительныхъ органовъ, они должны были дѣйствовать черезъ полицію, земства не были связаны другъ съ другомъ, земства были сразу поставлены подъ контроль администраціи. И слѣлавъ такую безвредную для себя уступку, правительство на другой же день постѣ введенія земства принялось систематически стѣснять и ограничивать его: всемогущая чиновничья клика *не могла ужиться съ выборнымъ всесословнымъ представительствомъ* и принялась всѣчески травить его. Сводъ данныхъ объ этой травѣ, несмотря на явную неполноту его, представляетъ собой очень интересную часть „Записки“.

Мы видѣли, какъ трусливо и какъ неразумно поступали либералы по отношенію къ революціонному движенію начала 60-хъ годовъ. Въмѣсто того, чтобы поддерживать „согласіе мѣщанъ и крестьянъ съ приверженцами *Великорусса*“, они боялись этого „согласія“ и стращали имъ правительство. Въмѣсто того, чтобы подняться на защиту преслѣдуемыхъ правительствомъ коноводовъ демократическаго движенія, они фарисейски умывали руки и оправдывали правительство. И они повесили справедливое наказаніе за эту предательскую политику широковѣщательнаго краснорѣчивья и позорной дряблости. Расправившись съ людьми, способными не только болтать, но и бороться за свободу, правительство почувствовало себя достаточно крѣпкимъ, чтобы вытѣснить либераловъ и изъ тѣхъ скромныхъ и второстепенныхъ позицій, которыя ими были заняты „съ разрѣшенія начальства“. Пока серьезно грозилъ „согласіе мѣщанъ и крестьянъ“ съ революціонерами, само министерство внутреннихъ дѣлъ бормотало о „школѣ представительныхъ учреждений“, а когда „бестактные и самоувѣренные“ свистуны и „задиры“ были удалены, — „школяровъ“ безъ церемоній взяли въ ежовыя рукавицы. Начинается трагикомическая эпопея: земство ходатайствуетъ о расширеніи правъ, а у земства неуклонно *отбираютъ* одно право за другимъ и на ходатайства отвѣчаютъ „отеческими“ поученіями. Но пусть говорятъ историческія даты, хотя бы даже только приведенныя въ „Запискѣ“.

12-го октября 1866 г. циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ ставитъ служащихъ земства въ полную зависимость отъ правительственныхъ учреждений. 21-го октября 1866 г. выходитъ законъ, ограничивающій право земствъ

облагать сборами торговля и промышленныя заведения. Въ Петербургскомъ Земскомъ Собраніи 1867 г. рѣзко критикуютъ этотъ законъ и принимаютъ (по предложенію графа А. П. Шувалова) рѣшеніе ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы вопросы, затронутые этимъ закономъ, обсуждались „совокупными силами и одновременнымъ трудомъ центральной администраціи и земства“. На это ходатайство правительство отвѣчаетъ закрытіемъ петербургскихъ земскихъ учреждений и репрессіями: предсѣдатель С.-Петербургск. Земской Управы Крузе сосланъ въ Оренбургъ, графъ Шуваловъ — въ Парижъ, сенатору Любощинскому велѣно подавать въ отставку. Органъ министерства внутреннихъ дѣлъ, „Сѣверная Почта“, выступаетъ съ статьей, въ которой „такая строгая карательная мѣра была объяснена тѣмъ, что и земскія собранія съ самаго открытія своихъ засѣданій дѣйствовали несогласно съ закономъ“ (съ какимъ закономъ? и почему нарушителей закона не преслѣдовали *по суду*? вѣдь только что былъ введенъ судъ скорый, правый и милостивый?) „и вмѣсто того, чтобы поддерживать земскія собранія другихъ губерній, пользуясь Высочайше дарованными ему правами для дѣйствительнаго попеченія о вѣреннѣхъ ему мѣстныхъ земско-хозяйственныхъ интересахъ“ (т. е. вмѣсто того, чтобы покорно повиноваться и слѣдовать „видамъ“ чиновничества) „непрерывно обнаруживали стремленіе неточнымъ изъясненіемъ дѣла и неправильнымъ толкованіемъ законовъ *возбуждать чувства недовѣрія и неуваженія къ правительству*“. Неудивительно, что послѣ такого назиданія „другія земства не оказали поддержки петербургскому, хотя повсюду законъ 21-го ноября 1866 г. вызвалъ сильное неудовольствіе; многіе называли его въ собраніяхъ равносильнымъ уничтоженію земствъ.“

16-го декабря 1866 г. является „разъясненіе“ сената, предоставляющее губернаторамъ право отказывать въ утвержденіи всякаго избраннаго земскимъ собраніемъ лица, признаваемаго имъ — губернаторомъ — неблагонадежнымъ. 4-го мая 1867 г. — другое разъясненіе сената: несогласно съ закономъ сообщеніе земскихъ предположеній во всѣ другія губерніи, ибо земскія учрежденія должны вѣдать дѣла мѣстныя. 13-го іюня 1867 г. состоялось высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, запрещающее безъ разрѣшенія мѣстнаго губернскаго начальства печатать состоявшіяся въ земскихъ, городскихъ и сословныхъ общественныхъ собраніяхъ постановленія, отчеты о засѣданіяхъ, пренія въ засѣданіяхъ и проч. Далѣе, тотъ же законъ расширяетъ власть предсѣдателей земскихъ собраній, предоставляетъ имъ право закры-

вать собранія и обязываетъ ихъ *подъ угрозой наказанія* закрывать собранія, въ которыхъ ставятся на обсужденіе вопросы, несогласные съ закономъ. Эту мѣру общество встрѣтило весьма недружелюбно и взглянуло на нее, какъ на серьезное ограниченіе земской дѣятельности. „Всѣ знаютъ, — писалъ въ дневникѣ своемъ Никитенко, — что земство связано по рукамъ и по ногамъ новымъ узаконеніемъ, въ силу котораго предсѣдатели собранія и губернаторы получили почти неограниченную власть надъ земствомъ.“ Циркуляръ 8-го октября 1868 г. подчиняетъ разрѣшенію губернаторовъ печатаніе отчетовъ даже земскихъ управъ и ограничиваетъ взаимныя сношенія земствъ. Въ 1869 г. учреждаются инспектора народныхъ училищъ въ видахъ отгѣсненія земства отъ дѣйствительнаго завѣдыванія народнымъ образованіемъ. Высочайше утвержденное 19-го сентября 1869 г. положеніе комитета министровъ признаетъ, что „земскія учрежденія ни по своему составу, ни по основнымъ началамъ не суть власти правительственныя“. Законъ 4-го іюля 1870 г. и циркуляръ 22-го октября 1870 г. подтверждаютъ и усиливаютъ зависимость земскихъ служащихъ отъ губернаторовъ. Въ 1871 г. инструкція инспекторамъ народныхъ училищъ предоставляетъ имъ устранять отъ должности учителей, признаваемыхъ неблагонадежными, и останавливать всякое рѣшеніе училищнаго совѣта съ предоставленіемъ дѣла на разрѣшеніе попечителя. 25-го декабря 1873 г. Александръ II въ рескриптѣ на имя министра народнаго просвѣщенія выражаетъ опасеніе, что народная школа *при недостаткѣ попечительнаго наблюденія* можетъ быть обращена „въ орудіе нравственнаго растлѣнія народа, къ чему уже и обнаружены некоторыя попытки“, и повѣлываетъ предводителямъ дворянства способствовать ближайшимъ своимъ участіемъ обезпеченію нравственнаго вліянія этихъ школъ. Затѣмъ въ 1874 г. выходитъ новое Положеніе о народныхъ училищахъ, отдающее всю силу завѣдыванія школами въ руки директоровъ народныхъ училищъ. Земство „протестуетъ“, если можно безъ ироніи назвать протестомъ ходатайство о пересмотрѣ закона при участіи земскихъ представителей (ходатайство Казанскаго земства въ 1874 г.). Ходатайство, конечно, отклоняется. И т. д. и т. д.

III.

Таковъ былъ первый курсъ наукъ, преподанный російскимъ гражданамъ въ устроенной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ „школѣ представительныхъ учреждений“. Къ

счастью кромѣ политическихъ школяровъ, которые по поводу конституціонныхъ заявленій 60-хъ годовъ писали: „Пора бросить глупости и начать дѣло дѣлать, а дѣло теперь въ земскихъ учрежденіяхъ и нигдѣ больше“^{*)} были въ Россіи и неудовлетворявшіеся такой „тактичностью“ „задиры“, которые шли съ революціонной проповѣдью въ народъ. Несмотря на то, что они шли подъ знаменемъ теоріи, которая была въ сущности нереволуціонна, — ихъ проповѣдь будила все же чувство недовольства и протеста въ широкихъ слояхъ образованной молодежи. Вопреки утопической теоріи, отрицавшей политическую борьбу, движеніе привело къ отчаянной схваткѣ съ правительствомъ горсти героевъ, къ борьбѣ за политическую свободу. Благодаря этой борьбѣ и только благодаря ей, положеніе дѣлъ еще разъ измѣнилось, правительство еще разъ вынуждено было пойти на уступки, и либеральное общество еще разъ доказало свою политическую неурѣлость, „неспособность поддержать борцовъ и оказать настоящее давленіе на правительство. Конституціонныя стремленія земства обнаружались явственно, но оказались безсильнымъ „порывомъ“. И это несмотря на то, что самъ по себѣ земскій либерализмъ сдѣлалъ замѣтный шагъ впередъ въ политическомъ отношеніи. Особенно замѣчательна попытка его образовать нелегальную партію и создать свой собственный политическій органъ. „Записка“ Витте сводитъ данныя нѣсколькихъ нелегальныхъ произведеній (Кенниана, Драгоманова, Тихомірова), чтобы охарактеризовать тотъ „сколькій путь“ (стр. 98), на который вступили земства. Въ концѣ 70-хъ годовъ было нѣсколько съѣздовъ земскихъ либераловъ. Либералы рѣшили „принять мѣры хотя бы къ временному прекращенію разрушительной дѣятельности крайней революціонной партіи, ибо они были убѣждены, что нельзя ничего будетъ достигнуть мирными средствами, если террористы будутъ продолжать раздражать и тревожить правительство угрозами и актами насилія“ (99). Итакъ вмѣсто заботы о расширеніи борьбы, о поддержкѣ отдѣльныхъ революціонеровъ болѣе или менѣе широкимъ общественнымъ слоемъ, объ организациі какого-либо общаго натиска (въ формѣ демонстраціи, отказа земствъ отъ исполненія обязательныхъ расходовъ и т. п.) либералы опять начинаютъ все съ той же „тактичности“: „не раздражать“ правительство! добиваться

^{*)} Письмо Кавелина 1865 г. къ роднымъ по поводу ходатайства Московскаго дворянства о „созаніи общаго собранія людей отъ земли русской для обезужденія нуждъ, общихъ всему государству.“

„мирными средствами“, каковыя мирныя средства такъ блистательно доказали свое ничтожество въ 60-ые годы!^{*)} Понятно, что ни на какое прекращеніе или приостановку военныхъ дѣйствій революціонеры не пошли. Земцы образовали тогда „лигу оппозиціонныхъ элементовъ“, превратившуюся затѣмъ въ „Общество земскаго союза и самоуправленія“ или „Земскій Союзъ“. Программа Земск. Союза требовала 1. свободы слова и печати; 2. гарантіи личности и 3. созыва учредительныхъ собраній. Попытка издавать нелегальныя брошюры въ Галиціи не удалась (австрійская полиція арестовала и рукописи и лицъ; намѣревавшихся печатать ихъ), и органомъ „Земскаго Союза“ сталъ съ августа 1881 г. журналъ „Вольное Слово“ выходившій подъ редакціей Драгоманова (бывшій профессоръ кievскаго университета) въ Женевѣ. „Въ концѣ концовъ — писалъ самъ Драгомановъ въ 1888 г. — . . . опыты изданія земскаго органа въ видѣ „Вольнаго Слова“ нельзя признать удачнымъ, хотя бы уже потому, что собственно земскіе матеріалы стали поступать въ редакцію правильно только съ конца 1882 г., а въ маѣ 1883 г. изданіе было уже прекращено“ (назв. соч., стр. 40). Неудача либеральнаго органа явилась естественнымъ результатомъ слабости либеральнаго движенія. 20-го ноября 1878 г. Александръ II обратился въ Москвѣ къ представителямъ сословій съ рѣчью, въ которой выражалъ надежду на ихъ „содѣйствіе, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь“. Затѣмъ и въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ (1878 № 168) появился призывъ къ содѣйствію общества. Въ отвѣтъ на это пять земскихъ собраній (Харьковское, Полтавское, Черниговское, Самарское и Тверское) заявили о необходимости созвать земскій соборъ. „Можно думать“ — пишетъ авторъ „Записки“ Витте, изложивъ подробно содержаніе этихъ адресовъ, изъ которыхъ только 3 проникли въ печать цѣликомъ, — „что заявленія земствъ о созывѣ земскаго собора были бы гораздо болѣе многочисленны, если бы министерство внутреннихъ дѣлъ своевременно не приняло мѣръ къ недопу-

^{*)} Справедливо говоритъ Драгомановъ: „Собственно исполнѣ „мирныхъ способовъ“ у либерализма въ Россіи и быть не можетъ, такъ какъ всякое завлеченіе объ измѣненіи высшаго управленія у насъ запрещено законами. Земскіе либералы должны были рѣшительно преступить черезъ это запрещеніе и хоть этимъ показать свою силу и передъ правительствомъ и передъ террористами. Такъ какъ земскіе либералы такой силы не показали, то имъ довелось дожидать до намѣренія правительства уничтожить даже образующія уже земскія учрежденія“ (и. с., 41—2).

чению таких заявлений: предводителям дворянства, председателем земских собрания, разослан был циркуляр, чтобы они не допускали даже чтения в собраниях подобных адресов. В некоторых мѣстах были произведены аресты и высылки гласных, а в Черниговѣ в залу засѣданія даже введены были жандармы, которые силой ее очистили" (104).

Либеральные журналы и газеты поддерживали это движение, петиція „25-ти именитыхъ московскихъ гражданъ“ Лорисъ-Меликову указывала на созваніе независимаго собранія изъ представителей земствъ и предложеніе этому собранію участія въ управленіи націей. И назначеніемъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Лорисъ-Меликова правительство, *повидимому*, дѣлало уступку. Но именно *повидимому*, ибо не только никакихъ рѣшительныхъ шаговъ, но даже и никакихъ положительныхъ и недопускавшихъ перетолкованія заявленій не было сдѣлано. Лорисъ-Меликовъ созвалъ редакторовъ петербургскихъ періодическихъ изданій и изложилъ имъ „программу“: познать желаніе, нужды и пр. населенія, дать возможность земству и пр. воспользоваться законными правами (либеральная программа гарантируетъ земствамъ тѣ „права“, которыя законъ у нихъ систематически урѣзываетъ!) и т. п. Авторъ „Записки“ пишетъ:

„Черезъ его собесѣдниковъ — для того они и были приглашены — программа министра оповѣщена была всей Россіи. Въ сущности она не обѣщала ничего опредѣленнаго. Всякій могъ вычитать изъ нея что угодно, т. е. все или ничего. Правъ былъ по своему (только „по своему“, а не безусловно „по всякому“ правъ?) одинъ изъ подпольныхъ листковъ того времени, выразившись объ этой программѣ, что въ ней одновременно мелькаетъ „лисий хвостъ“ и стучитъ зубами „волчья пасть“. Такая выходка по адресу программы и ея автора тѣмъ понятнѣе, что сообщая ее представителямъ печати, графъ настоячиво рекомендовалъ имъ „не смущать и не волновать напрасно общественные умы своими мечтательными иллюзіями“. Но либеральные земцы не послушались этой *правды* подпольнаго листка и сочли помахиваніе „лисьимъ хвостомъ“ за „новый курсъ“, которому позволительно довериться. „Земство вѣрило и сочувствовало правительству“, — повторяетъ „Записка“ Витте слова нелегальной брошюры „Мнѣнія земскихъ собраній о современномъ положеніи Россіи“ — „какъ бы боялось забѣгать впередъ, обращаться къ нему съ чрезмѣрными просьбами“. Характерное признаніе свободно высказывающихся сторонниковъ земства: Земскій Союзъ на

съѣздѣ 1880 г. только что рѣшилъ „добиться центрального народнаго представительства при непремѣнномъ условіи одной палаты и всеобщаго голосованія“ — и вотъ это рѣшеніе *добиваться* осуществляется тактикой „не забѣгать впередъ“, „застыть и сочувствовать“ двусмысленнымъ и ровно ни къ чему не обязывающимъ заявленіямъ! Съ какой то непростительной наивностью земцы воображали, что подавать петиціи это значитъ „добиваться“ — и петиціи „посыпались отъ земства въ изобиліи“. Лорисъ-Меликовъ 28-го января 1881 г. вошелъ съ всепод. докладомъ объ образованіи комиссіи изъ выборныхъ отъ земствъ для разработки законопроектовъ, указанныхъ „высочайшей волей“ — съ правомъ только совѣщательнаго голоса. Особое Совѣщаніе, назначенное Александромъ II, одобрило эту мѣру, заключеніе Совѣщанія 17-го февраля 1881 г. было утверждено царемъ, который одобрилъ и предложенный Лорисъ-Меликовымъ текстъ правительственнаго сообщенія.

„Несомнѣнно, — пишетъ авторъ „Записки“ Витте, — что учрежденіе такой чисто совѣщательной комиссіи не создавало еще конституціи.“ Но — продолжаетъ онъ — едва ли можно отрицать, что это было дальнѣйшимъ (послѣ реформъ 60-хъ годовъ) шагомъ къ конституціи и ни къ чему другому. И авторъ повторяетъ сообщеніе заграничной печати, что Александръ II выразился по поводу доклада Лорисъ-Меликова: „Да вѣдь это *états généraux*... „Намъ предлагать не что иное какъ собраніе нотаблей Людовика XVI“...“

Мы, съ своей стороны, замѣтимъ, что осуществленіе Лорисъ-Меликовскаго проекта *могло бы* при извѣстныхъ условіяхъ быть шагомъ къ конституціи, но могло бы и не быть таковымъ: все зависѣло отъ того, чтѣ пересилить — давленіе ли революціонной партіи и либеральнаго общества или противодѣйствіе очень могущественной, сплоченной и неразборчивой въ средствахъ партіи непреклонныхъ сторонниковъ самодержавія. Если говорить не о томъ, чтѣ могло бы быть, а о томъ, чтѣ было, то придется констатировать несомнѣнный фактъ *колебанія* правительства. Одни стояли за рѣшительную борьбу съ либерализмомъ, другіе — за уступки. Но — и это особенно важно — и эти послѣдніе колебались, не имѣя никакой вполнѣ опредѣленной программы и не возвышаясь надъ уровнемъ бюрократовъ-дѣльцевъ.

„Графъ Лорисъ-Меликовъ — говоритъ авторъ „Записки“ Витте — какъ бы боялся прямо взглянуть на дѣло, боялся вполнѣ точно опредѣлить свою программу, а продолжалъ — въ другомъ, правда, направленіи — прежнюю уклончивую политику, которая по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ была принята еще графомъ Валуевымъ.“

„Какъ справедливо было замѣчено и въ тогдашней легальной печати, самая программа, заявленная Лорисъ-Меликовымъ, отличалась большою неопредѣленностью. Эта неопредѣленность видна и во всѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ и словахъ графа. Съ одной стороны, онъ заявляетъ, что самодержавіе „разобнено съ населеніемъ“, что „на поддержку общества онъ смотритъ какъ на главную силу“... на проектированную реформу „не смотрѣлъ какъ на нѣчто окончательное, а видѣлъ въ ней только первый шагъ“ и т. д. Въ тоже время, съ другой стороны, графъ заставлялъ представителей печати, что... „возбужденнымъ въ обществѣ надежды суть ничто иное какъ мечтательная иллюзія... а во всеподданнѣйшемъ докладѣ государю категорически заявлялъ, что земскій соборъ былъ бы „опаснымъ опытомъ возвращенія къ прошедшему“... что проектируемая имъ мѣра никакого значенія въ смыслъ ограниченія самодержавія имѣть не будетъ, ибо не имѣетъ ничего общаго съ западными конституціонными формами. Вообще по справедливому замѣчанію Л. Тихомирова, самый докладъ этотъ отличается замѣчательно запутанной формой“ (стр. 117).

А по отношенію къ борцамъ за свободу этотъ пресловутый герой „диктатуры сердца“, Лорисъ-Меликовъ, довелъ „жестокости до не бывавшихъ ни раньше ни позже фактовъ смертной казни 17-ти лѣтняго мальчика за найденный у него печатный листокъ. Лорисъ-Меликовъ не забылъ отдаленнѣйшихъ уголковъ Сибири, чтобы ухудшить тамъ положеніе людей, страдавшихъ за пропаганду“ (В. Засуличъ въ № 1 „Соціалдемократъ“, стр. 84). При такомъ колебаніи правительства только сила, способная на серьезную борьбу, могла бы добиться конституціи, а этой силы не было: революціонеры исчерпали себя 1-ымъ марта, въ рабочемъ классѣ не было ни широкаго движенія ни твердой организаціи, либеральное общество оказалось и на этотъ разъ настолько еще политически неразвитымъ, что оно ограничилось и послѣ убійства Александра II одними ходатайствами. Ходатайствовали земства и города, ходатайствовала либеральная печать („Порядокъ“, „Страна“, „Голосъ“), ходатайствовали — въ особенно благонамѣренной, хитросплетенной и затуманенной формѣ — либеральные авторы докладныхъ записокъ (маркизъ Велепольскій, проф. Чичеринъ и проф. Градовскій — „Записка“ Витте излагаетъ ихъ содержаніе по лондонской брошюрѣ:*) „Конституція графа Лорисъ-Меликова“, изд. фонда в. р. пр., Л. 1893), выдумывая „остроумныя попытки перевести монарха черезъ завѣтную черту такъ, чтобы самъ онъ этого не за-

*) Авторъ „Записки“ вообще самымъ тщательнымъ образомъ списываетъ, какъ мы видѣли, нелегальныя брошюры и признаетъ, что „подпольная пресса и иностранная литература съ своихъ точекъ зрѣнія давали довольно вѣрную оцѣнку положенію вопроса“ (стр. 91). У русскаго ученаго „государствовѣда“ оказывается оригинальнымъ только кое-какой сырой матеріалъ, а всѣ основныя точки зрѣнія на политическіе вопросы въ Россіи онъ долженъ заимствовать изъ подпольной литературы.

мѣтилъ“. Всѣ эти осторожныя ходатайства и хитроумныя выдумки оказались, разумѣется, безъ революціонной силы — подемъ, и партія самодержавія побѣдила, побѣдила несмотря на то, что 8-го марта 1881 г. на совѣтѣ министровъ большинство (7 противъ 5) высказалось за проектъ Лорисъ-Меликова. (Такъ сообщается въ той же брошюрѣ, но усердно списывающей ее авторъ „Записки“ Витте тутъ почему то заявляетъ: „Что происходило на этомъ — 8-го марта — совѣщаніи и къ чему оно пришло, достоверно неизвѣстно; полагаться же на слухи, проникшіе въ иностранную печать, было бы неосторожно“, 124). 29-го апрѣля 1881 г. вышелъ манифестъ, названный Катковымъ „манной небесной“, — объ утвержденіи и охранѣ самодержавія.

Второй разъ, послѣ освобожденія крестьянъ, волна революціоннаго прибоя была отбита, и либеральное движеніе вслѣдъ за этимъ и вслѣдствіе этого второй разъ смѣнилось реакціей, которую русское прогрессивное общество принялось, конечно, горько оплакивать. Мы такіе мастера оплакиванья: мы оплакиваемъ безтактность и самоувѣренность революціонеровъ, когда они задираютъ правительство; мы оплакиваемъ нерѣшительность правительства, когда оно, не видя предъ собой настоящей силы, дѣлаетъ лжеуступки и, давая одной рукой, отнимаетъ другой; мы оплакиваемъ „время безидейности и безъидеальности“, когда правительство, расправившись съ неподдержаннымъ народомъ революціонерами, старается наверстать потерянное и укрѣпляется для новой борьбы.

IV.

Эпоха диктатуры сердца, какъ прозвали министерство Лорисъ-Меликова, покачала нашимъ либераламъ, что даже „конституціонализмъ“ одного министра, даже министра-премьера, при полномъ колебаніи правительства, при одобреніи „перваго шага къ реформѣ“ большинствомъ въ совѣтѣ министровъ не гарантируетъ ровно ничего, если нѣтъ серьезной общественной силы, способной заставить правительство сдаться. Интересно также, что и правительство Александра III, даже послѣ выступленія съ манифестомъ объ утвержденіи самодержавія, не сразу еще стало показывать всѣ свои когти, а сочло необходимымъ попробовать нѣкоторое время подурочить „общество“. Говоря „подурочить“, мы не думаемъ приписать политику правительства какому-либо маккиавелистическому плану того или другого министра, сановника и т. п.

Нельзя достаточно настаивать на томъ, что система лжеуступокъ и нѣкоторыхъ кажущихся важными шаговъ „на встрѣчу“ общественному мнѣнію вошла въ плоть и кровь всякаго современнаго правительства и русскаго въ томъ числѣ, ибо и русское правительство въ теченіе уже многихъ поколѣній сознало необходимость считаться съ общественнымъ мнѣніемъ такъ или иначе, въ теченіе уже многихъ поколѣній воспитывало государственныхъ дѣятелей, изощренныхъ въ искусствѣ внутренней дипломатіи. Такимъ дипломатомъ, имѣвшимъ назначеніе прикрыть отступленіе правительства къ прямой реакціи, явился смѣливый Лорисъ-Меликовъ, министр внутреннихъ дѣлъ графъ Игнатьевъ. Игнатьевъ выступалъ не разъ какъ чистѣйшій демагогъ и обманщикъ, такъ что авторъ „Записки“ Витте проявляетъ не мало „полицейскаго благодушія“, называя періодъ его министерства „неудавшейся попыткой создать самоуправляющуюся мѣстно землю съ самодержавнымъ царемъ во главѣ“. Правда, именно такая „формула“ была выдвинута въ то время И. С. Аксаковымъ, ею пользовалось для своихъ заигрываній правительство, ее разносилъ Катковъ, основательно доказывая необходимую связь между мѣстнымъ самоуправленіемъ и конституціей. Но было бы близорукостью *объяснять* извѣстную тактику полицейскаго правительства (тактику, необходимо присущую ему по самой его природѣ) преобладаніемъ въ данный моментъ того или другого политическаго воззрѣнія.

Игнатьевъ выступилъ съ циркуляромъ, обѣщая, что правительство „приметъ безотлагательныя мѣры, чтобы установить правильные способы, которые обеспечивали бы наибольшій успѣхъ живому участию мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предначертаній“. Земства отгѣтили на этотъ „призывъ“ ходатайствами о „созывѣ выборныхъ отъ народа“ (изъ записки гласнаго Череповецкаго земства; мнѣніе гласнаго Кирилловскаго земства губернаторъ не разрѣшилъ даже напечатать). Правительство предложило губернаторамъ оставлять такіа ходатайства „безъ дальнѣйшаго производства“, „и въ тоже время были, повидимому, приняты мѣры, чтобы подобныя ходатайства не были возбуждаемы въ другихъ собраніяхъ“. Дѣлается пресловутая попытка созывать по выбору министровъ „свѣдущихъ людей“ (для обсужденія вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей, объ упорядоченіи переселенія, о реформѣ мѣстнаго управления и пр.) „Работы экспертныхъ комиссій не вызвали сочувствія въ обществѣ, а со стороны земствъ, *несмотря на все предупредительныя мѣры*, вызвали даже прямой протестъ. Двѣнадцать

земскихъ собраній заявили ходатайства, чтобы къ участию въ законодательной дѣятельности земскіе люди приглашались не въ отдѣльныхъ случаяхъ и не по назначенію отъ правительства, а постоянно и по выбору земствъ.“ Въ самарскомъ земствѣ подобное предложеніе было остановлено председателемъ, „послѣ чего собраніе въ видѣ протеста разѣхалось“ (Драгомановъ, н. с., стр. 29. Записка, стр. 131). Что графъ Игнатьевъ *надумалъ* земцевъ, это видно изъ такого, напримѣръ, факта: „Полтавскій предводитель дворянства, г. Устимовичъ, авторъ проекта конституціоннаго адреса 1879 г., заявилъ открыто въ губ. двор. собраніи, что онъ получилъ отъ графа Игнатьева *положительное утѣреніе* (sic!), что правительство призоветъ представителей страны къ участию въ законодательной работѣ.“ (Драгомановъ, тамъ же.)

Прикрытіе правительственнаго перехода на рѣшительно новый курсъ этими продѣлками Игнатьева закончилось, и назначенный 30-го мая 1882 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ Д. А. Толстой недаромъ заслужилъ себѣ прозвище „министра борьбы“. Ходатайства земствъ даже объ устройствѣ какихъ-нибудь частныхъ сѣздовъ отклонялись безъ церемоній, и даже по жалобѣ губернатора на „систематическую оппозицію“ земства (Череповецкаго) былъ случай замѣны управы правительственной комиссіей и административной ссылки членовъ управы. Д. А. Толстой, вѣрный ученикъ и послѣдователь Каткова, рѣшилъ предпринять прямо уже „реформу“ земскихъ учреждений, исходя изъ той основной мысли (дѣйствительно подтверждаемой, какъ мы видѣли, исторіей), что „оппозиція правительству свила себѣ прочное гнѣздо въ земствѣ“ (стр. 139 „Записки“: изъ первоначальнаго проекта земской реформы). Д. А. Толстой проектировалъ замѣнить земскія управы подчиненными губернатору присутствіями, и всѣ постановленія земскихъ собраній признавать подлежащими губернаторскому утвержденію. Это была бы дѣйствительно „радикальная“ реформа, но интересно въ высшей степени, что даже и этотъ ученикъ Каткова, „министръ борьбы“ „не отступилъ — по выраженію самого автора „Записки“ — отъ привычной политики министерства внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ. Свою мысль — упразднить въ сущности земство — онъ не выразилъ въ своемъ проектѣ прямо; подъ видомъ правильнаго развитія началъ самоуправления онъ желалъ оставить внѣшнюю форму послѣдняго, но лишивъ ее всякаго внутренняго содержанія“. Въ Государственномъ Совѣтѣ эта мудрая государственная политика „лисьяго хвоста“ была еще дополнена и развита, и въ ре-

зультатъ земское положеніе 1890 г. „оказалось новой полумѣрой въ исторіи земскихъ учреждений. Оно не упразднило земства, но обезличило и обезцвѣтило его; не уничтожило и несословнаго начала, но придало ему сословную окраску; . . не сдѣлало изъ земскихъ учреждений дѣйствительныхъ органовъ власти, . . . но увеличило надъ ними опеку губернаторовъ, . . . усилило право губернаторскаго протеста.“ „Положеніе 12-го іюля 1890 г. было, въ намѣреніи его составителя, шагомъ по пути къ упраздненію земскихъ учреждений, но никакъ не кореннымъ преобразованиемъ земскаго самоуправленія.“

Новая „полумѣра“ — какъ налагаетъ дальше „Записка“ — оппозиція правительству не уничтожила (оппозицію реакціонному правительству и невозможно было бы, разумѣется, уничтожить усиленіемъ этой реакціонности), а только сдѣлала *какія-то* проявленія ея скрытыми. Оппозиція проявлялась, во-первыхъ, въ томъ, что нѣкоторые анти-земскіе, если можно такъ выразиться, законы встрѣчали отпоръ и de facto не осуществлялись; во-вторыхъ, опять таки въ конституціонныхъ (или по крайней мѣрѣ имѣющихъ запахъ конституціонализма) ходатайствахъ. Перваго рода оппозицію встрѣтилъ, напримѣръ, законъ 10-го іюня 1893 г., подчинившій подробной регламентаціи земскую организацію врачебнаго дѣла. „Земскія учрежденія дали дружный отпоръ министерству внутреннихъ дѣлъ, которое и отступило. Пришлось приостановить введеніе уже готоваго устава въ дѣйствіе, отложить его въ сторону для полнаго собранія законовъ и выработать новый проектъ, построенный на началахъ совершенно противоположныхъ (т. е. болѣе угодныхъ земствамъ).“ Законъ 8-го іюля 1893 г. объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, введившій равнымъ образомъ принципъ регламентаціи и стѣсняющій права земства въ дѣлѣ обложенія, тоже встрѣченъ несочувственно и въ массѣ случаевъ „на практикѣ вовсе не примѣняется“. Сила созданныхъ земствомъ и принесшихъ значительную (сравнительно съ бюрократіей, конечно) пользу населенію врачебныхъ и статическихъ учреждений оказывается достаточной, чтобы парализовать сфабрикованные въ петербургскихъ канцеляріяхъ уставы.

Второго рода оппозиція выразилась и въ новомъ земствѣ въ 1894 г., когда адреса земствъ Николаю II снова наемкнули совершенно опредѣленно на ихъ требованія расширить самоуправленіе и вызвали „знаменитыя“ слова о безсмысленныхъ мечтаніяхъ.

„Политическія тенденціи“ земства не исчезли, къ ужасу гг. министровъ. Авторъ „Записки“ приводитъ горькія жало-

бы тверскаго губернатора (изъ отчета его за 1898 г.) на „тѣсно сплоченный кружокъ людей либеральнаго направленія“, сосредоточивающій въ своихъ рукахъ все веденіе дѣла губернскаго земства. „Изъ отчета того же губернатора за 1895 г. видно, что борьба съ земской оппозиціей составляетъ тяжелую задачу мѣстной администраціи и что отъ предсѣдательствующихъ въ земскихъ собраніяхъ предводителей дворянства требуется иногда даже „гражданское мужество“ (вотъ какъ!) для выполненія конфиденціальнаго циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ о предметахъ, которыхъ земскія учрежденія не должны касаться.“ И дальше идетъ разсказъ о томъ, какъ губернский предводитель дворянства сдать передъ собраніемъ должность уѣздному (тверскому), тверской-новоторжскому, новоторжскій тоже заболѣлъ и сдать предсѣдательство старинному. Итакъ, даже предводители дворянства обращаются въ бѣгство, не желая исполнять полицейскихъ обязанностей! „Закономъ 1890 г. — сѣтуетъ авторъ „Записки“ — земству дана сословная окраска, усиленъ въ собраніяхъ правительственный элементъ, въ составъ губернскихъ земскихъ собраній введены всѣ уѣздные предводители дворянства и земскіе начальники, и если такое обезличенное сословно-бюрократическое земство продолжаетъ тѣмъ не менѣе проявлять политическую тенденцію, то надъ этимъ слѣдовало бы призадуматься.“ . . . „Противодѣйствіе не уничтожено: глухое недовольство, молчаливая оппозиція живутъ несомнѣнно и будутъ жить до тѣхъ поръ, пока не умретъ все-сословное земство.“ Таково послѣднее слово бюрократической мудрости: если урѣзанное представительство порождаетъ недовольство, то уничтоженіе всякаго представительства — по простой человѣческой логикѣ — еще усилитъ это недовольство и оппозицію. Г. Витте воображаетъ, что если закрыть одно изъ учреждений, выносящихъ наружу хоть частичку недовольства, то недовольство исчезнетъ! Но думаете-ли вы, что Витте предлагаетъ поэтому что-либо рѣшительное въ родѣ упраздненія земства? Нѣтъ, ничуть не бывало. Разнося уклончивую политику ради краснаго словца, Витте самъ не предлагаетъ ничего кромѣ нея же, — да и не можетъ предлагать, не вылѣзая изъ своей шкуры министра самодержавнаго правительства. Витте бормочетъ что-то совершенно пустяковинное о „третьемъ пути“: не господство бюрократіи и не самоуправленіе, а административная реформа, „правильно организующая“ „участіе общественныхъ элементовъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ“. Сказать такой вздоръ легко, но только ровно уже никого теперь — послѣ всякихъ опытовъ

со „свѣдущими людьми“ — не обманетъ эта выдумка: слишкомъ очевидно, что *безъ конституціи* всякое „участіе общественныхъ элементовъ“ будетъ фикціей, будетъ подчиненіемъ общества (или тѣхъ или другихъ „призванныхъ“ отъ общества) бюрократіи. Критикуя частную мѣру министерства внутреннихъ дѣлъ — введеніе земства на окраинахъ — Витте по общему вопросу, имъ же самимъ выдвинутому, не можетъ дать равно ничего новаго, подогрѣвая только старые приемы полумѣръ, лжеуступокъ, обѣщанья всякихъ благъ и неисполненія никакихъ обѣщаній. Нельзя съ достаточной силой подчеркнуть, что по общему вопросу о „направленіи внутренней политики“ Витте и Горемыкинъ — едино суть, и споръ между ними есть споръ своихъ людей, домашняя ссора въ предѣлахъ одной шайки. Съ одной стороны, и Витте спѣшитъ заявить, что „ни упраздненія земскихъ учреждений, ни какой либо ломки существующаго порядка я не предлагаю и не предлагаю... объ упраздненіи ихъ (существующихъ земствъ) при настоящихъ условіяхъ едва ли можетъ быть рѣчь“. Витте „съ своей стороны думаетъ, что съ созданіемъ на мѣстахъ сильной правительственной власти возможно будетъ съ большимъ довѣріемъ отнестись къ земствамъ“ и т. д. Создавши сильный бюрократическій *противовѣсъ* самоуправленію (т. е. обезсилить самоуправленіе), можно больше „довѣрить“ ему. Старая это пѣсенка! Г. Витте боится только „всесловныхъ учреждений“, онъ „вовсе не имѣлъ въ виду и не считалъ для самодержавія опасной дѣятельность разнаго рода корпорацій, обществъ, сословныхъ или профессиональныхъ союзовъ“. Напримѣръ, относительно „сельскихъ общинъ“ г. Витте ни мало не сомнѣвается въ ихъ безопасности для самодержавія вслѣдствіе ихъ „косности“. „Преобладаніе отношеній по землѣ и связаннымъ съ ними интересамъ придаютъ сельскому населенію такіа духовныя особенности, которыя дѣлаютъ его безразличнымъ ко всему, что выходитъ за предѣлы политики своей колокольни... Наши крестьянинъ занятъ на сходахъ раскладкой податей, ... распределеніемъ поземельныхъ участковъ и т. п. Кромѣ того, онъ неграмотенъ или полуграмотенъ, — какаа же тутъ можетъ быть политика?“ Г. Витте очень трезвъ, какъ видите. По отношенію къ сословнымъ союзамъ онъ заявляетъ, что въ отношеніи ихъ опасности для центральной власти „существенное значеніе имѣетъ разобщенность ихъ интересовъ. Пользуясь этой разобщенностью, правительство противъ политическихъ притязаній одного сословія всегда можетъ находить опору и противовѣсъ въ другихъ“. Не что иное какъ одну изъ без-

конечныхъ попытокъ полицейскаго государства „разобщить“ населеніе представляетъ собой и „программа“ Витте: „правильно организованное участіе общественныхъ элементовъ въ правительственныхъ учрежденияхъ“.

Съ другой стороны, и г. Горемыкинъ, съ которымъ г. Витте такъ яростно полемизируетъ, ведетъ и самъ ту же систематическую политику разобщенія и притѣсненія. Онъ доказываетъ (въ своей запискѣ, на которую отвѣчаетъ Витте) необходимость созданія новыхъ должностей чиновниковъ для надзора за земствомъ, онъ — противъ разрѣшенія даже простыхъ мѣстныхъ сѣздовъ земскихъ дѣятелей, онъ горой стоитъ за положеніе 1890 г., этотъ шагъ къ упраздненію земства, онъ боится включенія земствами въ программы офіціальныхъ работъ „тенденціозныхъ вопросовъ“, боится земской статистики вообще, онъ стоитъ за то, что народную школу надо изъять изъ рукъ земства и передать въ вѣдѣніе учреждений правительственныхъ, онъ доказываетъ, что земства неспособны вести продовольственное дѣло (земскіе дѣятели вызываютъ — видите ли — „преувеличенныя представленія о размѣрахъ бѣдствія и потребностяхъ пострадавшаго отъ неурожаа населенія“!), онъ отстаиваетъ правила о предѣльности земскаго обложенія „въ цѣляхъ огражденія землевладѣнія отъ чрезмѣрнаго увеличенія земскихъ сборовъ“. Такимъ образомъ Витте совершенно правъ, когда онъ заявляетъ: „Вся политика министерства внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ земству заключается въ медленномъ, но неуклонномъ подтачиваніи его органовъ, постепенномъ ослабленіи ихъ значенія и постепенномъ же сосредоточеніи ихъ функций въ вѣдѣніи правительственныхъ установленій. Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что когда указываемыя въ запискѣ (Горемыкина) мѣропріятія, принятыя за послѣднее время въ цѣляхъ упорядоченія отдѣльныхъ отраслей земскаго хозяйства и управленія“, будутъ приведены къ благополучному концу, то въ дѣйствительности у насъ не будетъ никакого самоуправления, — отъ земскихъ учреждений останется одна идея да виѣшняя оболочка, безъ всякаго дѣловаго содержанія“. Политика Горемыкина (и еще болѣе Сипягина) и политика Витте идетъ, слѣдовательно, къ одному и тому же, и состязаніе по вопросу о земствѣ и конституціонализмѣ есть, повторяемъ, не болѣе какъ домашняя ссора. Милые братья — только тѣшатся. Такъвъ итогъ „борьбы“ гг. Витте и Горемыкина. Что же касается до нашихъ итоговъ по общему вопросу о самодержавіи и земствѣ, то ихъ удобнѣе подвести въ связи съ разборомъ предисловія г-на Р. Н. С.

V.

Предисловіе г-на Р. Н. С. представляет много интереснаго. Въ немъ затронуты самыя широкіе вопросы о политическомъ преобразованіи Россіи, о разнообразныхъ способахъ этого преобразованія, о значеніи тѣхъ и другихъ силъ, ведущихъ къ преобразованію. Съ другой стороны, г. Р. Н. С., стоящій, очевидно, въ близкихъ отношеніяхъ къ либеральнымъ кругамъ вообще и земско-либеральнымъ кругамъ въ особенности, представляетъ изъ себя, несомнѣнно, нѣчто новое въ хорѣ нашей „подпольной“ литературы. Поэтому и для выясненія принципиальнаго вопроса о политическомъ значеніи земства и для ознакомленія съ вѣяніями и . . . не скажу: направленіями, а настроеніями въ кругахъ, близкихъ къ либераламъ — очень стоитъ остановиться поподробнѣе на этомъ предисловіи, разобрать, плюсъ или минусъ, насколько плюсъ, насколько и въ чемъ минусъ это новое?

Основная особенность воззрѣній г. Р. Н. С. состоитъ въ слѣдующемъ. Какъ видно изъ очень многихъ, цитируемыхъ нами ниже, мѣстъ его статьи, онъ поклонникъ мирнаго, постепеннаго, строго легальнаго развитія. Съ другой стороны, онъ всей душой возстаётъ противъ самодержавія и жаждетъ политической свободы. Но самодержавіе потому и есть самодержавіе, что оно запрещаетъ и преслѣдуетъ *всякое* „развитіе“ къ свободѣ. Это противорѣчіе проникаетъ собой всю статью г. Р. Н. С., дѣлая его разсужденія крайне непослѣдовательными, нетвердыми, шаткими. Совмѣстить конституціонализмъ съ заботой о строго легальномъ развитіи самодержавной Россіи можно только посредствомъ предположенія или хотя бы допущенія того, что самодержавное правительство *само* пойметъ, утомится, уступить и т. п. И г-ну Р. Н. С. съ высоты его гражскаго негодованія дѣйствительно случается падать и до этой вульгарной точки зрѣнія самаго неразвитаго либерализма. Вотъ примѣръ. Г. Р. Н.-С. говоритъ о себѣ: . . . „мы, видящіе въ борьбѣ за политическую свободу для сознательныхъ современныхъ людей Россіи ихъ Аннибалову клятву, столь же святую, какъ нѣкогда борьба за освобожденіе крестьянъ для людей сороковыхъ годовъ“, . . . и еще: . . . „какъ ни тяжело намъ, людямъ, давшимъ „Аннибалову клятву“ борьбы съ самодержавіемъ“, и т. д. Хорошо сказано, сильно сказано! Эти сильныя слова служили бы украшеніемъ статьи, если бы всю ее проникалъ тотъ же духъ непреклонной, непримиримой борьбы („Аннибалова клятва“!). Эти сильныя слова — именно потому, что они такъ сильны — будутъ звучать

чѣмъ-то фальшивымъ, если рядомъ съ ними промелькнетъ нотка искусственнаго примиренія и успокоенія, попытка провести, хотя бы цѣною всяческихъ натяжекъ, концессию мирнаго, строго легальнаго развитія. А у г. Р. Н. С. такихъ нотокъ и такихъ попытокъ, къ сожалѣнію, слишкомъ достаточно. Онъ удѣляетъ, напримѣръ, цѣлыхъ полторы страницы подробному „обоснованію“ той мысли, что „государственная политика въ царствованіе Николая II заслуживаетъ **еще болѣе** (курсивъ нашъ) суроваго осужденія съ нравственной и политической точки зрѣнія, чѣмъ черныя передѣлы реформъ Александра II при Александрѣ III.“ Почему же *болѣе* суроваго осужденія? Оказывается, потому что Александръ III боролся съ революціей, а Николай II — съ „легальными стремленіями русскаго общества“, первый — съ политически сознательными, второй — „съ вполнѣ мирными и подчасъ даже дѣйствующими безъ всякой ясной политической мысли общественными силами“ („плюхо даже сознающими, что ихъ сознательная культурная работа подтачиваетъ государственный строй“). Это въ очень значительной степени невѣрно фактически, — о чемъ рѣчь ниже. Но и помимо того нельзя не отмѣтить странности самаго хода разсужденій автора. Онъ осуждаетъ самодержавіе, и изъ двухъ самодержцевъ онъ *болѣе* осуждаетъ одного не по характеру политики, которая осталась прежней, а потому, что передъ нимъ нѣтъ (будто бы) „задиръ“, вызывающихъ, „естественно“, рѣзкій отпоръ, нѣтъ, слѣдовательно, повода къ преслѣдованіямъ. Не сквозитъ-ли въ самомъ уже употребленіи подобнаго аргумента явной уступки тому вѣрнопопданному доводу, что де нашему батюшкѣ-царю нечего бояться созвать излюбленныхъ людей, ибо всѣ эти излюбленные люди и не помышляли никогда о чемъ либо, выходящемъ изъ рамокъ мирныхъ стремленій и строгой легальности? Насъ не удивляетъ, если мы читаемъ такой „ходъ мыслей“ (или такой ходъ лжи) у г. Витте, который пишетъ въ своей запискѣ: „Казалось бы, что тамъ, гдѣ нѣтъ ни политическихъ партій, ни революцій, гдѣ никто не оспариваетъ правъ верховной власти, — тамъ нельзя противопоставлять администрацію народу или обществу“. . . .*) и т. д. Насъ не удивляетъ такое разсужденіе у г. Чичерина, который въ запискѣ, поданой графу Милютину послѣ 1-го марта 1881 г., заявляетъ, что „власти необходимо

*) Стр. 206. „Это даже неумно“, замѣчаетъ г. Р. Н. С. въ примѣчаніи къ этому мѣсту. Совершенно справедливо. Но развѣ не изъ той же главы сдѣланы вышеуказанныя разсужденія г-на Р. Н. С. на стр. XI—XII его предисловія?

прежде всего показать свою энергию, доказать, что она не свернула своего знамени предъ угрозою*, что „монархическій порядокъ совмѣстенъ съ свободными учреждениями лишь тогда, когда они являются плодомъ мирнаго развитія, спокойной инициативы самой верховной власти“ и совѣтовать соадать „сильную и либеральную“ власть, дѣйствующую при помощи „законодательнаго органа, усиленнаго и обновленнаго выборнымъ элементомъ.“*) Со стороны вотъ этакого г. Чичерина было бы совершенно естественно признавать заслуживающей большаго осужденія политику Николая II *потому*, что въ его царствованіе мирное развитіе и спокойная инициатива самой верховной власти *могли бы* привести къ свободнымъ учреждениямъ. Но естественно-ли, прилично-ли такого рода разсужденіе въ устахъ человѣка, давашаго Аннибалу клятву борьбы?

И фактически г. Р. Н. С. не правъ. „Теперь — говорить онъ, сравнивая настоящее царствованіе съ предъидущимъ, — . . . о томъ насильственномъ переворотѣ, который предносился дѣятелямъ „Народной Воли“, никто серьезно не помышляетъ.“ Parlez vous, monsieur! Говорите только за себя! Намъ же доподлинно извѣстно, что революціонное движеніе въ Россіи за послѣднее царствованіе не только не умерло и не ослабло по сравненію съ прошлымъ царствованіемъ, а, напротивъ, воскресло и возрасло во много разъ. И какое же это было бы „революціонное“ движеніе, если бы изъ его участниковъ никто серьезно не помышлялъ о насильственномъ переворотѣ? Намъ, можетъ быть, возразить, что въ приведенныхъ строкахъ г. Р. Н. С. имѣетъ въ виду не насильственный переворотъ вообще, а переворотъ специфически „народовольческій“, т. е. переворотъ и политическій и социальный въ одно и то же время, переворотъ, ведущій не только къ изверженію самодержавія, но и къ захвату власти. Такое возраженіе было бы неосновательно, ибо, во-первыхъ, для самодержавія какъ такового (т. е. для самодержавнаго правительства, а не для „буржуазія“ или „общества“) важно *ровне* не то, *для чего* его хотятъ свергнуть, а *то, что* его хотятъ свергнуть. А во-вторыхъ, и дѣятели „Народной Воли“ въ самомъ началѣ царствованія Александра III „преподнесли“ правительству альтернативу именно такую, какую ставить передъ Николаемъ II социаль-демократія: или революціонная борьба или отреченіе отъ самодержавія. (См. письмо Исполнительнаго Комитета „На-

*) „Записка“ Витте, стр. 122—123. „Конституція графа Лорисъ-Меликова“, стр. 24.

родной Воли“ къ Александру III отъ 10-го марта 1881 г., гдѣ поставлены два условія: 1. общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ и 2. союзъ представителей отъ всего русскаго народа при всеобщемъ избирательномъ правѣ и свободѣ печати, слова и сходовъ.) Да г. Р. Н. С. и самъ отлично знаетъ, что о насильственномъ переворотѣ „серьезно помышляютъ“ многіе не только изъ среды интеллигенціи, но и изъ среды рабочаго класса: загляните на стр. XXXIX и слѣд. его статьи, гдѣ говорится о „революціонной социаль-демократіи“, которой обезпечены и „массовая основа и умственные силы“, которая идетъ къ „рѣшительной политической борьбѣ“, къ „кровавой борьбѣ революціонной Россіи съ самодержавно-бюрократическимъ режимомъ“ (XLI). Не подлежитъ, такимъ образомъ, никакому сомнѣнію, что „благонамѣренныя рѣчи“ г. Р. Н. С. представляютъ собой лишь особый приемъ, попытку повліять на правительство (или на „общественное мнѣніе“) посредствомъ увѣреній въ своей (или въ чужой) скромности.

Г. Р. Н. С. думаетъ, впрочемъ, что понятіе борьбы можно истолковать очень широко. „Упраздненіе земства — пишетъ онъ — дастъ революціонной пропагандѣ огромный козырь — мы говоримъ это вполне объективно (sic!), не испытывая никакого отвращенія къ тому, что обычно зовется революціонной дѣятельностью, но и не восхищаясь и не увлекаясь именно этой формой (sic!) борьбы за политическій и общественный прогрессъ.“ Эта тирада очень знаменательна. Если приподнять quasi ученую формулировку, шеголяющую совершенно некстати „объективностью“ (разъ авторъ самъ ставитъ вопросъ о предпочтительности для него той или другой формы дѣятельности, или формы борьбы, то говорить при этомъ объ объективности его отношенія то же самое, что приравнивать дважды два къ стеариновой свѣчкѣ), — то получится старая, пре-старая аргументація: мнѣ вы, господа правители, можете повѣрить, если я васъ пугаю революціей, ибо у меня къ ней душа совсѣмъ не лежитъ. Ссылка на объективность есть же что иное, какъ фиговый листочекъ, прикрывающій субъективную антипатію къ революціи и революціонной дѣятельности. А въ прикрытіи нуждается г. Р. Н. С. потому, что съ Аннибаловой клятвой борьбы подобная антипатія никакъ не совмѣстима.

Впрочемъ, не ошибаемся ли мы насчетъ этого самаго Аннибала? Давалъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ клятву борьбы съ римлянами, или только борьбы за прогрессъ Караггена, каковой прогрессъ конечно въ послѣднемъ счетѣ повредить

бы Риму? Нельзя ли понимать слово борьба не так „узко“? Г. Р. Н. С. думает, что можно. Борьба съ самодержавіемъ — такъ слѣдуетъ изъ сопоставленія Аннибаловой клятвы съ текстомъ приведенной тирады — проявляется въ разныхъ „формахъ“: одна форма — это борьба революціонная, нелегальная, другая форма это — вообще „борьба за политическій и общественный прогрессъ“, т. е., другими словами, мирная, легальная дѣятельность, насаждающая культуру въ рамкахъ, дозволенныхъ самодержавіемъ. Мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что и при самодержавіи возможна легальная дѣятельность, двигающая впередъ россійскій прогрессъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно быстро двигающая прогрессъ техническій, въ немногихъ случаяхъ весьма незначительно — прогрессъ общественный, въ совершенно исключительныхъ случаяхъ и въ совершенно миниатюрныхъ размѣрахъ — прогрессъ политическій. Можно спорить о томъ, насколько именно великъ и насколько возможенъ этотъ миниатюрный прогрессъ, насколько единичные случаи такого прогресса способны парализовать то массовое политическое разращеніе населенія, которое производится самодержавіемъ повсюду и постоянно. Но подводить хотя бы и косвенно мирную легальную дѣятельность подъ понятие борьбы съ самодержавіемъ значитъ содѣйствовать этому разращенію, значитъ ослаблять и безъ того безконечно слабое въ русскомъ обывателѣ сознание своей отвѣтственности, какъ гражданна, за все, что дѣлаетъ правительство.

Къ сожалѣнію г. Р. Н. С. не одинокъ среди нелегальныхъ писателей, пытающихся стереть разницу между революціонной борьбой и мирнымъ культурничествомъ. У него есть предшественникъ, г. Р. М., авторъ статьи „Наша дѣятельность“ въ знаменитомъ „Отдѣльномъ приложеніи къ Рабочей Мысли“ (сентябрь 1899 г.). Возражая социаль-демократамъ-революціонерамъ, онъ писалъ: „Вѣдь и борьба за земское и городское общественное самоуправленіе, и борьба за общественную школу, и борьба за общественный судъ, и борьба за общественную помощь голодающему населенію и т. д. есть борьба съ самодержавіемъ... Эта общественная борьба, по какому-то странному недоразумѣнію не обращающая на себя благосклоннаго вниманія многихъ русскихъ революціонныхъ писателей, какъ мы видѣли, уже ведется русскимъ обществомъ и не со вчерашняго дня... Настоящій вопросъ въ томъ, какъ этимъ отдѣльнымъ общественнымъ слоямъ... вести эту борьбу съ самодержавіемъ возможно успѣшнѣе... А главный для насъ вопросъ: какъ должны вести эту обще-

ственную борьбу съ самодержавіемъ наши рабочіе, на движеніе которыхъ наши революціонеры смотрятъ какъ на лучшее средство ниспроверженія самодержавія“ (стр. 8—9). Какъ видите, г. Р. М. не считаетъ нужнымъ и прикрывать свою антипатію къ революціонерамъ; легальную оппозицію и мирную работу онъ прямо объявляетъ борьбой съ самодержавіемъ и даже главнымъ считаетъ вопросъ, какъ должны рабочіе вести „эту“ борьбу. Г. Р. Н. С. далеко не такъ примитивенъ и не такъ откровененъ, но родственность политическихъ тенденцій у нашего либерала и у крайняго поклонника чисто рабочаго движенія проглядываетъ довольно ясно.*)

Что касается до „объективизма“ г. Р. Н. С., то мы должны замѣтить, что онъ иногда и прямокомъ отбрасываетъ его. Онъ остается „объективнымъ“, когда говоритъ о рабочемъ движеніи, объ его органическомъ ростѣ, о грядущей неизбежной борьбѣ революціонной социаль-демократіи съ самодержавіемъ, о томъ, что организація либераловъ въ нелегальную партію будетъ неизбежнымъ результатомъ упраздненія земства. Все это изложено очень дѣловито и очень трезво, настолько трезво, что можно радоваться распространенію въ либеральныхъ кругахъ правильнаго пониманія рабочаго движенія въ Россіи. Но когда г. Р. Н. С. начинаетъ говорить не о борьбѣ съ врагомъ, а о возможномъ „смирненіи“ врага, — онъ сразу теряетъ свой „объективизмъ“, выражаетъ свои чувства, переходитъ даже отъ изъявительнаго наклоненія къ повелительному.

„Только въ томъ случаѣ дѣло не дойдетъ до конечной и кровавой борьбы революціонной Россіи съ самодержавно-бюрократическимъ режимомъ, если среди власть имущихъ окажутся лица, у которыхъ найдется мужество — смириться предъ исторіей и смирить предъ ней самодержавіе... Несомнѣнно, что среди высшей бюрократіи есть лица, не сочувствующія реакціонной политикѣ... Они, единственные лица, имѣющія доступъ къ престолу, никогда не рѣшаются громко высказывать свои убѣжденія... Быть можетъ, однако, огромная тѣнь неизбежной исторической расплаты,

*) Хозяйственная организація рабочихъ — говоритъ г. Р. Н. С. въ другомъ мѣстѣ — „явится школой реального политическаго воспитанія рабочихъ массъ“. Мы бы посоветовали автору поосторожнѣе употреблять это истасканное рыцарями оппортунизма словечко „реальный“. Нельзя отрицать, что при извѣстныхъ условіяхъ и хозяйственной организація рабочихъ могутъ много дать для ихъ политическаго воспитанія (какъ нельзя отрицать, что при другихъ условіяхъ онъ могутъ дать кое-что и для ихъ политическаго разращенія). Но реальное политическое воспитаніе рабочихъ массамъ можетъ дать только всестороннее участіе ихъ въ революціонномъ движеніи вплоть до открытой уличной борьбы, вплоть до гражданской войны съ защитниками политическаго и экономическаго рабства.

тъль великихъ событій внесетъ колебанія въ правительственную среду и во время разрушитъ желанный строй реакціонной политики. Для этого теперь нужно сравнительно немного. . . Быть можетъ, оно (правительство) не слишкомъ поздно пойметъ также фатальную опасность охраненія самодержавнаго режима всеми средствами. Быть можетъ, оно, еще не встрѣтившись съ революціей, само утомится своей борьбой съ естественнымъ, исторически-необходимымъ развитіемъ свободы и поколеблется въ своей „непримиримой“ политикѣ. Переставъ быть послѣдовательнымъ въ борьбѣ со свободой, оно будетъ вынуждено все шире и шире раскрывать ей двери. Быть можетъ . . . итъ, не только можетъ быть, но *да будетъ такъ!*“ (Курсивъ автора).

Аминь! остается намъ только сказать по поводу этого благонамѣреннаго и возвышеннаго монолога. Нашъ Аннибалъ такъ быстро прогрессируетъ, что выступаетъ уже передъ нами въ третьей формѣ: первая форма — борьба съ самодержавіемъ, вторая — насажденіе культуры, третья — призывы къ смиренію врага и попытки запугать его „тѣнью“. Какія страсти! Мы вполне согласны съ почтеннымъ г. Р. Н. С. въ томъ, что „тѣней“-то святоши русскаго правительства скорѣе всего на свѣтѣ испугаются. И непосредственно предъ этимъ заклинаніемъ тѣней, нашъ авторъ, указавши на ростъ революціонныхъ силъ и на грядущій революціонный взрывъ, восклицаетъ: „Съ глубокой скорбью мы предвидимъ тѣ ужасныя жертвы и людскія и культурныя силы, которыхъ будетъ стоить эта безумная агрессивнo-консервативная политика, не имѣющая ни политическаго смысла, ни тѣни нравственнаго оправданія“. Какую бездонную пропасть доктринерства и елейности пріоткрываетъ такой конецъ разсужденія о революціонномъ взрывѣ! У автора итъ ни капельки пониманія того, какое бы это имѣло гигантское историческое значеніе, если бы народъ въ Россіи хоть разъ хорошенько проучилъ правительство. „Вмѣсто того, чтобы, указывая на „ужасныя жертвы“, принесенныя и приносимыя народомъ абсолютизму, будить ненависть и возмущеніе, разжигать готовность и страсть къ борьбѣ, — вмѣсто этого вы ссылаетесь на *будущія* жертвы, чтобы отпугнуть отъ борьбы. Эхъ, господа! Лучше ужъ вовсе не разсуждать о „революціонномъ взрывѣ“, чѣмъ портить это разсужденіе подобнымъ финаломъ. *Дѣлать* „великія событія“ вы, очевидно, не хотите, а хотите только разговаривать о „тѣни великихъ событій“, да и разговаривать то съ одними „лицами, имѣющими доступъ къ престолу“.

Подобнаго рода разговорами съ тѣнями и о тѣняхъ полна — полна, какъ извѣстно, и наша легальная пресса. А чтобы придать тѣнямъ реальность, принято ссылаться въ видѣ примѣра на „великія реформы“ и итъ имъ полное

условной лжи аллилуйя. Подцензурному писателю нельзя иногда не простить этой лжи, ибо иначе онъ не можетъ выразить своего стремленія къ политическимъ преобразованіямъ. Но надъ г. Р. Н. С. цензуры не было. „Великія реформы — нишеть онъ — были задуманы не для вяжца торжества бюрократіи.“ Посмотрите, до какой степени уклончива эта апологетическая фраза. *Кѣмъ* „задуманы“? Герценомъ, Чернышевскимъ, Унковскимъ и тѣми, кто шелъ съ ними? Но эти люди требовали несравненно большаго, чѣмъ то, что осуществили „реформы“, и за свои требованія они подвергались преслѣдованіямъ со стороны правительства, проводившаго „великія“ реформы. — Правительствомъ и тѣми, кто, слѣпо славословя, шелъ за нимъ, огрызаясь на „задирь“? Но правительство сдѣлало все возможное и невозможное, чтобы уступить какъ можно меньше, чтобы обкарнать демократическія требованія и обкарнать *милемко* „для вяжца торжества бюрократіи“. Г. Р. Н. С. прекрасно знаетъ все эти историческія факты и затушевываетъ ихъ только потому, что они всецѣло опровергаютъ его благодушную теорію о возможномъ „смиреніи“ самодержца. Въ политикѣ итъ мѣста смиренію, и только безграничная простота (и святая и лукавая простота) можетъ принимать за смиреніе исконный полицейскій пріемъ: *divide et impera*, раздѣляй и властвуй, уступи неважное, чтобы сохранить существенное, дай лѣвой рукой и отними правой. . . „Правительство Александра II, задумывая и проводя „великія реформы“, не ставило себѣ въ тоже время сознательной цѣли — во что бы то ни стало отрѣзать русскому народу всякій легальный путь къ политической свободѣ, не вѣдѣшвало съ этой точки зрѣнія всякій свой шагъ, всякую статью закона.“ Это **неправда**. Правительство Александра II, и „задумывая“ реформы и проводя ихъ, ставило себѣ съ самаго начала совершенно сознательную цѣль: не уступать тогда же заявленному требованію политической свободы. Оно съ самаго начала и до самаго конца отрѣзывало всякій легальный путь къ свободѣ, ибо отвѣчало репрессіями даже на простыя ходатайства, ибо не разрѣшало никогда даже говорить свободно о свободѣ. Въ опроверженіе славословія г-на Р. Н. С. достаточно сослаться хотя бы на приведенные нами выше факты, изложенные въ „Запискѣ“ Витте. О лицахъ же, составлявшихъ правительство Александра II, самъ Витте выражается, напримѣръ, такъ: „Необходимо отмѣтить, что выдающіеся государственные дѣятели эпохи 60-хъ годовъ, славныя имена которыхъ сохранятся и въ благодарномъ потомствѣ, сдѣлали въ свое время столь

много великаго, сколько едва ли сдѣлали ихъ преемники, и трудились надъ обновленіемъ нашего государственнаго и общественнаго строя по искреннимъ своимъ убѣжденіямъ съ безавѣтной преданностью своему государю и не вопреки его стремленіямъ" (стр. 67 „Записки“). Вотъ что правда — то правда: по искреннимъ убѣжденіямъ съ безавѣтной преданностью стоящему во главѣ полицейской шайки государю...

Послѣ вышеизложеннаго насъ уже не должно удивлять, что г. Р. Н. С. даетъ крайне мало по самому важному вопросу о роли земства въ борьбѣ за политическую свободу. Кромѣ обычныхъ ссылокъ на „практическое“ и „культурное“ дѣло земства, онъ указываетъ бѣгло на его „воспитательно-политическое значеніе“, говоритъ, что „земство имѣетъ политическое значеніе“, что земство, какъ ясно видитъ г. Витте, „опасно (для существующаго порядка) только въ силу исторической тенденціи своего развитія — какъ зародышъ конституціи“. И въ заключеніе этихъ, точно случайно оброненныхъ замѣчаній выходка противъ революціонеровъ: „Мы цѣнимъ произведеніе г. Витте не только за его правду о самодержавіи, но также и какъ драгоценный политическій аттестатъ, выданный земству самой бюрократіей. Этотъ аттестатъ служитъ превосходнымъ отвѣтомъ всѣмъ тѣмъ, кто по недостатку политическаго образованія или по увлеченію революціонной фразой (sic!) не желалъ и не желаетъ видѣть крупнаго политическаго значенія русскаго земства и его легальной культурной дѣятельности“. Кто же это обнаружилъ недостатокъ образованія или увлеченіе фразой? гдѣ и когда? Съ кѣмъ и почему несогласенъ г. Р. Н. С.? На это нѣтъ отвѣта, и выходка автора не говоритъ ничего кромѣ развѣ заявленія объ антипатіи его къ революціонерамъ, знакомой намъ и по другимъ мѣстамъ статьи. Нисколько не разъясняетъ дѣла еще болѣе странное примѣчаніе: „Этими словами мы вовсе не хотимъ (?) задѣть революціонныхъ дѣятелей, въ которыхъ нельзя не цѣнить прежде всего нравственнаго мужества въ борьбѣ съ произволомъ“. Зачѣмъ это? къ чему это? Какая есть связь между нравственнымъ мужествомъ и неумѣньемъ оцѣнить земство? Г. Р. Н. С. поправился по истинѣ изъ кулыка въ рогажку: сначала онъ „задѣлъ“ революціонеровъ голословнымъ и „анонимнымъ“ (т. е. неизвѣстно противъ кого направленнымъ) обвиненіемъ въ невѣжествѣ и фразѣ, а теперь еще „задѣваетъ“ ихъ предположеніемъ, что нилкою обвиненія въ невѣжествѣ ихъ можно заставить проглотить, если позолотить ее признаніемъ ихъ нравственнаго мужества. Въ довершеніе неясности г. Р. Н. С. самъ себѣ противорѣчитъ, за-

являя — какъ бы въ одинъ голосъ съ „увлекающимися революціонной фразой“ — что „современное русское земство... не есть политическая величина, которая своей непосредственной силой могла бы кому либо imponировать, могла бы кого либо устрашать... Оно еле-еле отстаиваетъ свою скромную позицію"... „Такія учрежденія (какъ земство)... сами по себѣ могутъ грозить этому (самодержавному) строю только въ отдаленномъ будущемъ и лишь въ связи съ развитіемъ всей культуры страны.“

VI.

Попытаемся же разобраться въ этомъ вопросѣ, о которомъ г. Р. Н. С. говоритъ такъ сердито и такъ безсодержательно. Факты, приведенные нами выше, показываютъ, что „политическое значеніе“ земства, т. е. значеніе его какъ фактора въ борьбѣ за политическую свободу, состоитъ главнымъ образомъ въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, эта организація представителей нашихъ имущихъ классовъ (и въ особенности земельнаго дворянства) постоянно противопоставляетъ выборныя учрежденія бюрократіи, вызываетъ постоянные конфликты между ними, показываетъ на каждомъ шагѣ реакціонный характеръ безответственнаго царскаго чиновничества, поддерживаетъ недовольство и питаетъ оппозицію самодержавному правительству.* Во-вторыхъ, земства, втиснутыя какъ пятое колесо въ бюрократическую повозку, стремятся упрочить свое положеніе, расширить свое значеніе, стремятся — и даже, по выраженію Витте, „безсознательно идутъ“ — къ конституціи, предъявляя ходатайства о ней. Они оказываются поэтому негоднымъ союзникомъ правительства въ борьбѣ его съ революціонерами, они хранятъ дружественный нейтралитетъ по отношенію къ революціонерамъ и оказываютъ имъ хотя и косвенную, но несомнѣнную услугу, внося въ критическіе моменты колебанія въ репрессивныя мѣры правительства. Разуздается, ни „крупнаго“, ни вообще сколько-нибудь самостоятельнаго фактора политической борьбы нельзя видѣть въ учрежденіи, которое въ лучшемъ случаѣ способно было до сихъ поръ лишь на либеральныя ходатайства и на дружественный нейтралитетъ, но роль одного изъ *вспомогательныхъ* факторовъ за земствомъ отрицать нельзя. Въ этомъ смыслѣ мы готовы даже, если хотите, признать, что земство — ку-

* См. чрезвычайно обстоятельное разъясненіе этой стороны вопроса въ брошюрѣ П. Б. Аксельрода: „Историческое положеніе и взаимное отношеніе либеральной и социалистической демократіи въ Россіи“ (Женева, 1898), особенно стр. 5, 8, 11—12, 17—19.

сочекъ конституціи. — Читатель скажетъ, пожалуй: значить, вы соглашаетесь съ г. Р. Н. С., который большаго и не утверждаетъ. Нисколько. Тутъ только наше разногласіе и начинается.

Земство — кусочекъ конституціи. Пусть такъ. Но это именно такой кусочекъ, посредствомъ котораго русское „общество“ отманывало отъ конституціи. Это — именно такая, сравнительно очень мало важная, позиція, которую самодержавіе уступило растущему демократизму, чтобы сохранить за собой главныя позиціи, чтобы раздѣлить и разъединить тѣхъ, кто требовалъ преобразованій политическихъ. Мы видѣли, какъ это разъединеніе на почвѣ „довѣрія“ къ земству („зародышу конституціи“) удавалось и въ 60-хъ годахъ и въ 80—81 г. Вопросъ объ отношеніи земства къ политической свободѣ есть частный случай общаго вопроса объ отношеніи реформъ къ революціи. И мы можемъ видѣть на этомъ частномъ случаѣ всю узость и нецѣльность модной бернштейнѣанской теоріи, которая замѣняетъ революціонную борьбу борьбой за реформу, которая объявляетъ (устаи, напр., г-на Бердяева), что „принципъ прогресса — чѣмъ лучше, тѣмъ лучше“. Этотъ принципъ, въ общей формѣ, такъ же невѣренъ, какъ и обратный — чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Революціонеры никогда не откажутся, конечно, отъ борьбы за реформу, отъ захвата хотя бы неважной и частной вражеской позиціи, если эта позиція усилитъ ихъ натискъ и облегчитъ полную побѣду. Но они никогда не забудутъ также, что бываютъ случаи, когда уступка извѣстной позиціи дѣлается самимъ непріятелемъ, чтобы разъединить нападающихъ и легче разбить ихъ. Они никогда не забудутъ, что только имѣя всегда въ виду „конечную цѣль“, только осцѣнивая каждый шагъ „движенія“ и каждую отдѣльную реформу съ точки зрѣнія общей революціонной борьбы, можно гарантировать движеніе отъ ложныхъ шаговъ и позорныхъ ошибокъ.

Вотъ этой то стороны вопроса — значенія земства, какъ орудія *увлекенія* самодержавія посредствомъ половинчатой уступки, какъ орудія привлеченія къ самодержавію извѣстной части либеральнаго общества, — г. Р. Н. С. совершенно не понимаетъ. Онъ предпочелъ сочинить себѣ доктринерскую схему, прямолинейно связывающую земство и конституцію по „формуль“: чѣмъ лучше, тѣмъ лучше. „Если вы раньше упраздните земство въ Россіи — говоритъ онъ, обращаясь къ Витте, — а потомъ расширите права личности, то вы окажетесь лишеннымъ лучшаго случая дать странѣ умѣренную конституцію, исторически выросшую на основѣ мѣстаго самоупра-

вленія съ сословной окраской. Дѣлу консерватизма вы во всякомъ случаѣ окажете очень плохую услугу.“ Какая стройная и красивая концепція! Мѣтвое самоуправленіе съ сословной окраской — мудрый консерваторъ имѣющій доступъ къ престолу, — умѣренная конституція. Жаль только, что въ дѣйствительности мудрые консерваторы находили не разъ благодаря земству „лучшій случай“ не „давать“ странѣ конституціи.

Мирная „концепція“ г-на Р. Н. С. сказалась и на формулировкѣ его лозунга, которымъ онъ заканчиваетъ статью и который напечатанъ — именно какъ лозунгъ — на особой строкѣ и жирнымъ шрифтомъ: „Права и властное всероссійское земство.“ Надо открыто признать, что это — такое же недостойное заигрыванье съ политическими предрассудками широкой массы русскихъ либераловъ, какъ у „Рабочей Мысли“ мы видимъ заигрыванье съ политическими предрассудками широкой массы рабочихъ. Мы обязаны возстать противъ этого заигрыванья и въ первомъ и второмъ случаѣ. Это предрассудокъ, будто правительство Александра II не открывало легальнаго пути къ свободѣ, — будто существованіе земства представляетъ лучшій случай дать странѣ умѣренную конституцію, — будто знаменемъ — не говорю уже революціоннаго, но хотя бы конституціоннаго движенія можетъ служить лозунгъ: „права и властное земство“. Это не знамя, помогающее отдѣлаться враговъ отъ союзниковъ, способное направлять движеніе и руководить имъ, это — тряпка, которая поможетъ только примазаться къ движенію самымъ ненадежнымъ людямъ, которая облегчитъ правительству еще разъ попытку отдѣлаться громкими обещаніями и половинчатыми реформами. Да, не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать это: достигнетъ наше революціонное движеніе своего апогея — удесятерится либеральное броженіе въ обществѣ — появятся въ правительствѣ новые Лорисъ-Меликовы и Игнатъевы, которые напишутъ на своемъ знамени: „права и властное земство“. По крайней мѣрѣ, это было бы для Россіи самымъ невыгоднымъ, для правительства — самымъ выгоднымъ исходомъ. Если сколько нибудь значительная часть либераловъ повѣритъ этому знамени и, увлекшись имъ, съ тылу нападетъ на „задиръ“ — революціонеровъ, то послѣдніе могутъ оказаться изолированными и правительство попытается обезпечить себѣ минимальныя, какой нибудь совѣщательной и дворянско-аристократической конституціей ограничивающіяся, уступки. Удастся ли такая попытка, — это будетъ зависеть отъ исхода рѣшительной схватки между револю-

ціоннимъ пролетариатомъ и правительствомъ, — но что либералы окажутся обманутыми, за это можно вполне поручиться. Посредствомъ лозунга, въ родѣ того, который выставленъ г. Р. Н. С. („властное земство“ или „земщина“ и т. п.), правительство отманитъ ихъ, какъ щенятъ, отъ революціонеровъ и, отманивши, схватитъ за шиворотъ и будетъ пороть розгами такъ называемой реакціи. А мы, господа, не преминемъ тогда сказать: *такъ вамъ и надо!*

И ради чего вмѣсто требованія уничтоженія абсолютизма выставляется какъ заключительный лозунгъ подобное умѣренное и аккуратное пожеланіе? Во-первыхъ, ради филистерскаго доктринерства, желающаго оказать „услугу консерватизму“ и вѣрующаго, что правительство умилился такой умѣренностью и „смирится“ передъ ней. Во-вторыхъ, ради того, чтобы „объединить либераловъ“. Дѣйствительно, лозунгъ: „права и властное земство“ объединитъ, пожалуй, *всѣхъ* либераловъ, — точно такъ же, какъ лозунгъ „копейка на рубль“ объединитъ (по мнѣнію „экономистовъ“) *всѣхъ* рабочихъ. Только не будетъ ли *такое* объединеніе прогрышемъ вмѣсто выигрыша? Объединеніе есть плюсъ, когда оно поднимаетъ объединяемыхъ на уровень сознательной и рѣшительной программы объединяющаго. Объединеніе есть минусъ, когда оно снижаетъ объединяющихся до уровня предразсудковъ массы. А среди массы русскихъ либераловъ, несомнѣнно, очень и очень распространены тотъ предразсудокъ, — что земство есть во истину „зародышъ конституціи“*)

*) Къ вопросу о томъ, чего можно ждать отъ земства, безъразличны слѣдующіе отзывы князя П. В. Долгорукова изъ его „Листка“, издававшихся въ 60-хъ годахъ (Бурцевъ, и. с., стр. 83—86): „Разсматривая основныя положенія земскихъ учреждений, мы опять встрѣчаемъ ту же самую, тайную, но постоянно на свѣтъ пробивающуюся мысль правительства — послушать своимъ великодушіемъ; громкогласно провозглашать: „вотъ, де, сколько я вамъ дарую!“ Но въ сущности дать какъ можно меньше и, давая какъ можно меньше, стараться еще положить преграды, чтобы не могли вполне воспользоваться даже тѣмъ, что даровано... Въ настоящее время, при самодержавномъ порядкѣ вещей, земскія учрежденія не принесутъ пользы и не могутъ ея принести, не будутъ имѣть значенія и не могутъ его имѣть, но они богаты зародышами плодотворнаго развитія въ будущемъ... Новая земскія учрежденія вѣроятно судьбой предназначены служить основой будущему конституціонному порядку въ Россіи... Но до времени введенія въ Россіи образа правленія конституціоннаго, на время существованія самодержавія, на время отсутствія свободы печатнаго слова земскимъ учрежденіямъ суждено остаться политическимъ призракомъ, безъзастѣсливо сходнымъ гласныхъ земскихъ.“ Такимъ образомъ Долгоруковъ даже тогда, въ разгарѣ 60-хъ годовъ, не предавался чрезмѣрному оптимизму. А съ тѣхъ поръ 40 лѣтъ многому лишь научили и показали, что

только случайно, проясками какихъ нибудь безразвѣстныхъ временщиковъ задерживаемый въ своемъ „естественномъ“ мирномъ и постепенномъ ростѣ, — что достаточно нѣсколькихъ ходатайствъ для „смирненія“ самодержца, — что легальная культурная работа вообще и земская въ частности имѣетъ „крупное политическое значеніе“, избавляя тѣхъ, кто на словахъ враждебенъ самодержавію, отъ обязанности активно поддерживать, въ той или другой формѣ, революціонную борьбу съ самодержавіемъ, и пр. и т. п. и т. д. Объединеніе либераловъ — дѣло безусловно полезное и желательное, но только такое объединеніе, которое ставитъ своей цѣлью борьбу съ застарѣлыми предразсудками, а не заигрыванье съ ними, повышеніе средняго уровня нашей политической развитости (вѣрнѣе: неразвитости), а не санкціонированіе его, однимъ словомъ, объединеніе для поддержки нелегальной борьбы, а не для оппортунистическаго фразерства о крупномъ политическомъ значеніи легальной дѣятельности. Если не можетъ быть оправдано выставленіе передъ рабочими политическаго лозунга: „свобода стачекъ“ и т. п., то точно такъ же не можетъ быть оправдано и выставленіе предъ либералами лозунга: „властное земство“. При самодержавіи всякое земство, хоть бы и распреная — „властное“, неизбѣжно будетъ уродликомъ, неспособнымъ къ развитію, а при конституціи земство сразу потеряетъ свое современное „политическое“ значеніе.

Объединеніе либераловъ возможно въ двухъ формахъ: посредствомъ образованія самостоятельной либеральной (нелегальной, разумѣется) партіи и посредствомъ организаціи содѣйствія либераловъ революціонерамъ. Г. Р. Н. С. самъ указываетъ на первую возможность, но... если признать эти указанія за дѣйствительное выраженіе видовъ и шансовъ либерализма, то къ особенному оптимизму они не располагаютъ. „Безъ земства — пишетъ онъ — земскіе либералы должны будутъ образовать либеральную партію или сойти съ исторической сцены, какъ организованная сила. Мы убѣждены, что организація либераловъ въ нелегальную, хотя и очень умѣренную по всей программѣ и приѣмамъ партію будетъ неизбѣжнымъ результатомъ упраздненія земства.“ Если только „упраздненія“, то этого долго еще ждать, ибо даже Витте упразднить земства не желаетъ, а русское

земства предназначены были „судьбой“ (а отчасти и правительствомъ) служить основой — цѣлаго ряда мѣропріятій, оздуживающихъ конституціоналистовъ.

правительство вообще очень заботится о сохранении внешности даже при полном вытравлении содержания. Что партия либералов будет очень умеренна, — это вполне естественно, и от движения в среде буржуазии (только на таком движении может держаться либеральная партия) другого нельзя и ждать. Но в чем же все-таки должна бы состоять деятельность этой партии, ее „приемы“? Г. Р. Н. С. не разъясняет этого. „Сама по себе — говорит он — нелегальная либеральная партия, как организация, состоящая из наиболее умеренных и наименее подвижных оппозиционных элементов, не может развивать ни особенно широкой, ни особенно интенсивной деятельности“... Мы думаем, что в известной сфере, хотя бы даже и ограниченной пределами местных и главным образом земских интересов, либеральная партия вполне могла бы развить и широкую и интенсивную деятельность — укажем, напр., на организацию политических обличений... „Но при наличии такой деятельности со стороны других партий, в особенности партии социаль-демократической или рабочей, либеральная партия — даже не вступая в прямое соглашение с социаль-демократами — может оказаться очень серьезным фактором“... Совершенно справедливо, и читатель ждет естественно, чтобы автор хоть в самых общих чертах намечил работу этого „фактора“. Но Г. Р. Н. С. вместо этого обрисовывает рост революционной социаль-демократии и заканчивает: „При наличии яркого политического движения... хоть скольконибудь организованная либеральная оппозиция может сыграть крупную политическую роль: умеренная партия при умелой тактике всегда выигрывает от обостряющейся борьбы между крайними общественными элементами“... И только! „Роль“ „фактора“ (который уже успел превратиться из партии в „оппозицию“) состоит в том, чтобы „выигрывать“ от обострения борьбы. Об участии либералов в борьбе — ни слова, а о выигрыше либералов упомянуто. Обмолвка, можно сказать, providencialная...

Русские социаль-демократы никогда не закрывали глаза на то, что политическая свобода, за которую они прежде всего борются, принесет пользу прежде всего буржуазии. Возставать на этом основании против борьбы с самодержавием мог бы только социалист, погружающийся в худших предразсудках утопизма или реакционного народничества. Буржуазия воспользуется свободой, чтобы почить на лаврах, — пролетариату необходимо нужна свобода, чтобы развернуть во

всю ширь свою борьбу за социализм. И социаль-демократия будет неуклонно вести освободительную борьбу, каково бы ни было отношение к этой борьбе тех или других слоев буржуазии. В интересах политической борьбы мы должны поддерживать всякую оппозицию гнету самодержавия, по какому бы поводу и в каком бы общественном слое она ни проявлялась. Для нас далеко не безразлична поэтому оппозиция нашей либеральной буржуазии вообще и наших земцев в частности. Съесть либералы съорганизоваться в нелегальную партию, — тем лучше, мы будем приветствовать рост политического самосознания в имущих классах, мы будем поддерживать их требования, мы постараемся, чтобы деятельность либералов и социаль-демократов взаимно пополняла друг друга.* Не съесть — мы и в этом (более вероятном) случае не „махнем рукой“ на либералов, мы постараемся укрепить связи с отдельными личностями, познакомить их с нашим движением, поддержать их посредством разоблачения в рабочей прессе всех и всяких гадостей правительства и продлоков местных властей, привлечь их к поддержке революционеров. Обменять услуги подобного рода между либералами и социаль-демократами происходит и теперь, он должен быть только расширен и укреплен. Но, будучи всегда готовы на этот обмен услуг, мы никогда и ни в каком случае не откажемся от решительной борьбы с теми иллюзиями, которых так много в неразвитом политически русском обществе вообще и русском либеральном обществе в частности. В сущности мы можем, видоизменяя известное изречение Маркса о революции 48-го года, и о русском революционном движении сказать, что его прогресс состоит не в завоевании каких-либо положительных приобретений, а в освобождении от вредных иллюзий. Мы освободились от иллюзий анархизма и народнического социализма, от пренебрежения к политике, от веры в самобытное развитие России, от убеждения, что народ готов для революции, от теории захвата власти и единоборства с самодержавием героической интеллигенции.

* Пишущему эти строки приходилось указывать на пользу либеральной партии четыре года тому назад, по поводу партии „Народного Права“. См. „Задачи русских социаль-демократов“ (Женева 1896): ... „Но если в этой партии (народного права) есть и не маскарадные, а настоящие политики не-социалисты, демократы не-социалисты, — тогда эта партия может принести не малую пользу, стараясь сблизиться с политически оппозиционными элементами нашей буржуазии“... (стр. 26).

Пора бы и либераламъ нашимъ освободиться отъ самой, казалось бы, несостоятельной теоретически и самой живучей практически иллюзіи, будто возможно еще парламентарство съ русскимъ самодержавіемъ, будто какое нибудь земство есть зародышъ конституціи, будто искреннимъ сторонникамъ этой послѣдней можно исполнять свою Аннибалову клятву посредствомъ терпѣливой легальной дѣятельности и терпѣливыхъ призывовъ къ смирению врага.

Т. П.

Критика нашихъ критиковъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Г. П. Струве въ роли критика Марксовой теоріи социальнаго развитія.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Г. П. Струве — не первый и не послѣдній провозвѣстникъ теоріи „притупленія“ противорѣчій между интересами пролетаріата и буржуазіи. У этой теоріи было много сторонниковъ до Г. П. Струве и еще больше будетъ ихъ послѣ него, такъ какъ она чрезвычайно быстро распространяется теперь въ образованномъ слоѣ мелкой буржуазіи, т. е. того класса, который самымъ положеніемъ своимъ осужденъ колебаться между пролетаріатомъ и буржуазіей. И именно потому, что она распространяется теперь чрезвычайно быстро, выдавая себя за самоневѣннѣйшій и притомъ „критическій“ социализмъ, пришедшій на смѣну будто бы отжившему социализму Маркса и его „догматическихъ“ послѣдователей, она заслуживаетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія. Кто хочетъ бороться съ этой теоріей, тотъ долженъ знать какъ ея теоретическую родословную, такъ и ея нынѣшнюю теоретическую цѣнность. Въ виду этого читатель не удивится, если мы оставимъ на время нашего „критика“, чтобы хорошенько ознакомиться съ его предшественниками и съ его до нынѣ здравствующими, болѣе или менѣе обглаленными родственниками.

1.

Цѣна рабочей силы и прибавочная цѣнность находятся въ обратномъ отношеніи другъ къ другу. Чѣмъ дороже продается рабочая сила, тѣмъ ниже уровень прибавочной цѣнности, — и наоборотъ. Интересы *продавца* рабочей силы прямо противоположны интересамъ ея *покупателя*. Взятое по своему существу, противорѣчіе это не можетъ быть ни устранено, ни „притуплено“ до тѣхъ поръ, пока не прекратится покупка и продажа рабочей силы, т. е. пока не будетъ устраненъ капиталистическій способъ производства. Но *условія*, при которыхъ совершается купля-продажа рабочей силы, могутъ измѣняться въ ту или въ другую сторону: къ выгодѣ *продавцовъ*, или къ выгодѣ *покупателей*. Если они измѣняются къ выгодѣ *продавцовъ*, то цѣна рабочей силы *повышается*, и рабочей классъ получаетъ, въ видѣ заработной платы, боль-